

Это сильная,
но мучительная
история, которую
трудно забыть.

Kirkus Reviews

три сестры

ХЕЗЕР
МОРРИС

От автора мировых бестселлеров
ТАТУИРОВЩИК ИЗ ОСВЕНЦИМА
ДОРОГА ИЗ ОСВЕНЦИМА

Азбука-бестселлер

Хезер Моррис

Три сестры

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Моррис Х.

Три сестры / Х. Моррис — «Азбука-Аттикус», 2021 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-20911-4

Маленькие девочки Циби, Магда и Ливи дают своему отцу обещание: всегда быть вместе, что бы ни случилось... В 1942 году нацисты забирают Ливи якобы для работ в Германии, и Циби, помня данное отцу обещание, следует за сестрой, чтобы защитить ее или умереть вместе с ней. Три года сестры пытаются выжить в нечеловеческих условиях концлагеря Освенцим-Биркенау. Магда остается с матерью и бабушкой, прячась на чердаке соседей или в лесу, но в конце концов тоже попадает в плен и отправляется в лагерь смерти. В Освенциме-Биркенау три сестры воссоединяются и, вспомнив отца, дают новое обещание, на этот раз друг другу: что они непременно выживут... Впервые на русском языке!

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-20911-4

© Моррис Х., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Часть первая. Обещание	6
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	22
Часть вторая. Врата ада	30
Глава 7	30
Глава 8	36
Глава 9	38
Глава 10	44
Глава 11	48
Глава 12	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Хезер Моррис

Три сестры

© И. В. Иванченко, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Циби, ז'ל, Магда, Ливия,

спасибо за ваше мужество и надежду, с которыми вы не расставались в самые темные времена истории, чтобы создать жизнь на новой родине с любящими семьями и вдохновить всех нас.

Мишка, ז'ל, Ицко, ז'ל, Зигги, ז'ל,

у вас были свои истории выживания. У вас были свои истории мужества, надежды, любви и потери близких. У вас была любовь трех удивительных женщин и ваших родных.

Кароль (Кари), Йозеф (Йосси), Хая, Юдит (Дитти), Одед (Оди), Дорит,

вы росли, слушая рассказы своих родителей. Вы приобщились к их терпению, стойкости, мужеству и желанию поделиться своим прошлым, поэтому ни один из нас никогда НЕ ЗАБУДЕТ об этом.

Рэнди, Ронит, Пэм, Йосси, Йозеф, Ишай, Амиад, Хагит, Ноа, Анат, Аяла, Амир, Ариела, Даниэль, Рут, Боаз, Ли-Ор, Ногах, Пнина, Галил, Эдан, Эли, Хагар, Деан, Манор, Алон, Ясмин, Шира, Тамар, Кармел, Альби, Мааян, Дорон, Офир, Маор, Рафаэль, Илан, Роми

И ВСЕ ГРЯДУЩИЕ ПОКОЛЕНИЯ

Примечание. Знак ז'ל добавлен к именам ушедших людей, чтобы почтить их память. Он означает: «Zichrono livracha» – да будет благословенна память о нем или о ней (*иврит*).

Часть первая. Обещание

Пролог

Вранов-над-Топлёу, Словакия

Июнь 1929 года

На небольшом заднем дворе своего дома, тесно сгрудившись вокруг отца, сидят три сестры – Циби, Магда и Ливи. В одном углу маленького сада уныло поник куст олеандра, который их мать всеми силами пыталась вернуть к жизни.

Ливи, самой младшей, три года, и она вскакивает на ноги – ей трудно усидеть на месте.

– Ливи, сядь, пожалуйста, – говорит ей Циби; в свои семь лет она, как старшая из сестер, чувствует себя вправе приструнить младших за плохое поведение. – Ты же знаешь, папа хочет с нами поговорить.

– Нет, – возражает трехлетняя Ливи, принимаясь скакать вокруг сидящих и похлопывая каждого по голове.

Магда, средняя сестра, которой пять лет, сухой веточкой олеандра рисует что-то на земле. Стоит теплый солнечный летний день. Задняя дверь дома открыта, и из нее доносится аппетитный аромат свежееиспеченного хлеба. Два окна – одно кухни, другое небольшой семейной спальни – знавали лучшие времена. На земле валяется отшелушившаяся после зимы краска. От порыва ветра хлопает калитка. Сломана щеколда, отцу придется чинить и это.

– Иди сюда, котенок. Садись ко мне на колени, – подзывает отец Ливи.

Одно дело – когда тебе велит что-то сделать старшая сестра, и совсем другое – когда просит папа, да еще так ласково. Размахивая руками, Ливи прыгает к нему на колени, не обращая внимания на то, что ударяет отца по голове.

– Ты в порядке, папа? – беспокоится Магда, заметив гримасу боли на его лице, когда он непроизвольно откидывает голову назад, и гладит отца по щетинистой щеке.

– Да, милая. У меня все хорошо. Со мной мои девочки. О чем еще просить отцу?

– Ты сказал, что хочешь с нами поговорить? – Циби не терпит перейти к сути их маленького «соборания».

Менахем Меллер заглядывает в глаза своих хорошеньких дочерей. Им нет дела до мировых проблем, они пока пребывают в неведении о суровой реальности жизни за стенами их милого домика. О суровой реальности, с которой столкнулся Менахем и в которой продолжает жить. Пуля, не убившая его на Первой мировой войне, застряла в шее и теперь, двенадцать лет спустя, угрожает его жизни.

Горячая Циби, непокорная Циби... Менахем гладит ее по волосам. В тот день, когда родилась, она возвестила миру: остерегайтесь, и горе тому, кто встанет у нее на пути. Когда она сердится, ее зеленые глаза начинают полыхать желтым огнем.

А Магда, красивая, нежная Магда – как быстро она выросла, ей уже пять! Отец беспокоится, что мягкость сделает дочь уязвимой и люди станут обижать ее и использовать. На него устремлены ее большие голубые глаза, и он ощущает ее любовь, тревогу за его шаткое здоровье. Он видит, что она не по годам взрослая, видит ее отзывчивость, унаследованную от матери и бабушки, и пылкое желание заботиться о ближнем.

Ливи перестает вертеться, когда Менахем начинает играть с ее мягкими кудряшками. Про себя он называет Ливи дикаркой, беспокоясь, как бы однажды она не убежала с волками и не сломалась, словно деревце, если будет загнана в угол. Со своими пронзительными голубыми глазами и хрупкой фигуркой она напоминает ему олененка, которого легко напугать и который готов удрать в любой момент.

Завтра ему предстоит операция по удалению из шеи блуждающей пули. Почему ее нельзя оставить там, где она есть? Он бесконечно молится о том, чтобы как можно дольше быть с девочками. Ему надо направлять их по пути к зрелости, надо побывать на их свадьбах, понять внуков. Операция опасная, и если он не выживет, то сегодняшний день может стать последним, проведенным с ними. И если такое случится, какими бы ужасными ни были его мысли об этом в столь прекрасный солнечный день, необходимо прямо сейчас высказать девочкам свою просьбу.

– Ну, папа, что ты хотел нам сказать? – подгоняет Циби.

– Циби, Магда, вы знаете, что такое обещание? – медленно спрашивает он.

Надо, чтобы они серьезно к этому отнеслись.

– Нет, – качает головой Магда.

– Я думаю, – говорит Циби, – это когда у двоих есть секрет, правда?

Менахем улыбается. Циби всегда хотя бы попытается, и это нравится ему в ней больше всего.

– Близко, дорогая моя, но дать обещание могут и больше двух человек. Я хочу, чтобы вы трое дали мне обещание. Ливи еще не понимает, но надо, чтобы вы говорили ей об этом, пока она не поймет.

– Я тоже не понимаю, папа, – перебивает его Магда. – Ты совсем сбил меня с толку.

– Это очень просто, Магда, – улыбается Менахем, находя особое удовольствие в том, что разговаривает со своими девочками, и у него щемит в груди – он должен запомнить этот момент, этот солнечный день, широко распахнутые глаза трех его дочерей. – Хочу, чтобы вы пообещали мне и друг другу, что всегда будете заботиться о своих сестрах. Всегда придете на помощь друг другу, что бы ни случилось. И не позволите, чтобы что-то вас разлучило. Понимаете?

Магда и Циби кивают, а Циби с серьезным видом спрашивает:

– Я понимаю, папа, но почему кто-то захочет разлучить нас?

– Я не говорю, что кто-то захочет, просто хочу, чтобы вы обещали мне: если кто-то попытается разлучить вас, вы вспомните то, о чем мы говорили сегодня, и сделаете все, что в ваших силах, чтобы помешать этому. Когда вы вместе, втроем, вы сильные, никогда не забывайте об этом. – Запнувшись, Менахем откашливается.

Циби и Магда обмениваются взглядами. Ливи переводит взгляд с одной сестры на другую, потом на отца, догадываясь, что было сказано что-то важное, но что именно, она не понимала.

– Я обещаю, папа, – говорит Магда.

– Циби? – спрашивает Менахем.

– Я тоже обещаю, папа. Обещаю заботиться о своих сестрах. Никому не позволю обидеть их, ты же знаешь.

– Да, я знаю, моя дорогая Циби. Это обещание станет договором между вами тремя. Ты расскажешь Ливи об этом договоре, когда она подрастет?

Циби обхватывает лицо Ливи ладонями, поворачивает к себе ее голову и заглядывает сестре в глаза:

– Ливи, скажи «обещаю». Скажи «я обещаю».

Ливи изучает сестру. Циби кивает, поощряя ее произнести эти слова.

– Я обещаю, – повторяет Ливи.

– Теперь скажи это папе, скажи «я обещаю», – наставляет Циби.

Ливи поворачивается к отцу. В ее глазах пляшут смешинки, она вот-вот прыснет, ее сердечко тает от отцовской улыбки.

– Я обещаю, папа. Ливи обещает.

Прижимая своих девочек к груди, он смотрит поверх головы Циби и улыбается еще одной своей девочке – матери его дочерей, которая стоит на пороге их дома с блестящими от слез глазами.

Ему есть что терять. Он должен выжить.

Глава 1

Вранов-над-Топлёу, Словакия

Март 1942 года

– Прошу, скажите мне, что она поправится, я так за нее беспокоюсь, – волнуется Хая, когда врач осматривает ее семнадцатилетнюю дочь.

Магда уже несколько дней лежит с высокой температурой.

– Да, госпожа Меллер, Магда скоро поправится, – успокаивает женщину доктор Кисели.

В крошечной спальне стоят две кровати. На одной Хая спит с младшей дочерью Ливи, другую Магда делит со старшей сестрой Циби, когда та бывает дома. Одну стену занимает большой комод, забитый одеждой и другими вещами четырех женщин. Предмет их гордости – хрустальный флакон для духов с изумрудно-зеленым шнурком и кисточкой, а рядом с ним на комодке стоит зернистая фотография: красивый мужчина сидит с малышкой на одном колене и с девочкой постарше – на другом, третья девочка, еще старше, стоит слева от него, а справа – мать девочек, ее рука лежит на плече мужа. На матери и дочках – белые кружевные платья, и все вместе они являют собой картинку идеальной семьи, по крайней мере на тот момент.

Менахем Меллер умер на операционном столе. Хотя пулю и удалось извлечь, потеря крови была слишком велика. Хая осталась без мужа, а девочки – без отца. Чтобы помочь семье, в домик переехал Ицхак, отец Хаи и дед сестер. Брат Хаи Айван живет в доме напротив.

Хая не одинока, хотя и чувствует в душе ужасное одиночество.

В спальне задернуты тяжелые шторы, чтобы дрожащую в лихорадке Магду не тревожил яркий свет весеннего солнца, который просачивается в комнату поверх карниза.

– Мы можем поговорить в другой комнате? – Доктор Кисели дотрагивается до руки Хаи.

Ливи, скрестив ноги, сидит на соседней кровати и смотрит, как Хая кладет на лоб Магды новое влажное полотенце.

– Побудешь с сестрой? – спрашивает мать, и Ливи кивает.

Когда взрослые выходят из комнаты, Ливи ложится рядом с сестрой и принимается вытирать пот с лица Магды сухой фланелькой.

– Ты поправишься, Магда. Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Магда заставляет себя улыбнуться:

– Это же моя обязанность, ведь я твоя старшая сестра. Я должна заботиться о тебе.

– Тогда поправляйся.

Хая и доктор Кисели делают несколько шагов, отделяющих спальню от гостиной маленького дома. Входная дверь открывается прямо в уютную жилую комнату с крошечной кухней в задней части.

Дед девочек Ицхак моет руки над раковиной. За ним с заднего двора тянется дорожка древесных стружек, несколько лежат на выцветшем голубом войлоке, покрывающем пол. Вздвигнув, Ицхак оборачивается, разбрызгивая воду по полу.

– Что случилось? – спрашивает он.

– Ицхак, я рад, что вы здесь. Посидите с нами.

Хая быстро поворачивается к молодому доктору. В глазах у нее страх. Доктор Кисели с улыбкой подводит ее к стулу, а другой пододвигает от кухонного стола для Ицхака.

– Она очень больна? – спрашивает Ицхак.

– Она скоро выздоровеет. Это грипп, и здоровой молодой девушке нужно только время.

– Тогда в чем же дело? – Хая машет рукой в сторону врача.

Доктор Кисели находит еще один стул и садится:

– Не хочу, чтобы вы испугались того, что я собираюсь вам сказать.

Хая лишь кивает, подготовившись услышать то, что он должен сказать. С начала войны она сильно изменилась: ее когда-то гладкий лоб покрыт морщинами, и она такая худая, что одежда висит на ней как на вешалке.

– В чем дело, парень? – спрашивает Ицхак.

Ответственность за дочь и внушек состарила его не по годам, и у него нет времени на уловки.

– Я хочу отправить Магду в больницу...

– Что? Вы только что сказали, что она скоро поправится! – восклицает Хая.

Она поднимается, хватаясь за стол для опоры.

Доктор Кисели жестом останавливает ее:

– Это не из-за болезни. Есть другая причина, по которой я хочу положить Магду в больницу, и, если вы выслушаете, я объясню.

– О чем вы толкуете, черт возьми?! – возмущается Ицхак. – Выкладывайте!

– Госпожа Меллер, Ицхак, ходят слухи, ужасные слухи о молодых евреях, девушках и юношах, которых отправляют из Словакии на работы для немцев. В больнице Магда будет в безопасности, и я обещаю, что не допущу, чтобы с ней что-то случилось.

Хая откидывается на стуле, закрывает лицо ладонями. Это гораздо хуже гриппа.

Ицхак рассеянно похлопывает ее по спине, весь напрягшись в ожидании того, что скажет доктор.

– Что-то еще? – В ожидании честного ответа Ицхак в упор смотрит на доктора.

– Как я уже сказал, слухи и сплетни, и в них нет ничего хорошего для евреев. Если они придут за вашими детьми, то это начало конца. И *работать* на нацистов? Мы понятия не имеем, что это значит.

– Что же нам делать? – спрашивает Ицхак. – Мы уже все потеряли: право работать, кормить наши семьи... Что еще они могут отнять у нас?

– Если то, что я слышал, – правда, им нужны ваши дети.

Хая выпрямляется. Лицо ее покраснело, но она не плачет.

– А Ливи? Кто защитит Ливи?

– Полагаю, им нужны подростки старше шестнадцати лет. Ливи ведь четырнадцать, да?

– Пятнадцать.

– Она еще дитя, – с улыбкой говорит доктор Кисели. – Думаю, с Ливи все будет в порядке.

– А сколько времени Магда пробудет в больнице? – Хая поворачивается к отцу. – Она не захочет туда, не захочет оставить Ливи. Помнишь, отец, когда Циби уходила, она заставила Магду пообещать ей, что та будет заботиться о своей младшей сестре?

Ицхак поглаживает руку Хаи:

– Если мы хотим спасти ее, она должна отправиться в больницу, хочет она того или нет.

– Полагаю, нужно лишь несколько дней, может быть, неделя. Если слухи верны, они скоро явятся, а после этого я отправлю ее домой. А Циби? Где она?

– Вы же знаете ее. Она в лагере «Хахшары».

Хая не знает, что и думать об этой программе, по которой молодых людей вроде Циби обучают навыкам, необходимым для новой жизни в Палестине, далеко от Словакии, пока в Европе бушует война.

– Все еще учиться пахать землю? – шутит доктор, но ни Хая, ни Ицхак не улыбаются.

– Если она собирается эмигрировать, то именно это ждет ее там – плодородные земли, которые нужно возделывать, – говорит Ицхак.

Но Хая молчит, погрузившись в свои мысли. Один ребенок в больнице, другой еще мал и может избежать когтей нацистов. А третья дочь Циби, старшая, примкнула к молодежному сионистскому движению, вдохновившись миссией создания еврейской родины, когда бы это ни произошло.

До их сознания уже дошла мысль о том, что земля обетованная нужна им прямо сейчас, и чем быстрее, тем лучше. Но Хая предполагает, что по крайней мере пока все три ее дочери в безопасности.

Глава 2

Лесистая местность в окрестностях Вранов-над-Топлёу, Словакия

Март 1942 года

Циби уклоняется от корки хлеба, пролетевшей мимо ее головы. Она сердито смотрит на молодого человека, бросившего хлеб, но ее сверкающие глаза говорят совсем о другом.

Циби не раздумывая, с энтузиазмом откликнулась на призыв начать новую жизнь в новой стране. На лесной поляне, вдали от докучливых глаз, были построены домики для сна, а также общий барак и кухня. Здесь двадцать юношей и девушек живут и работают вместе в небольшой коммуне, готовясь к новой жизни в земле обетованной.

Человек, отвечающий за эту программу, – дядя одного из мальчиков, участвующих в подготовке. И хотя он перешел из иудаизма в христианство, симпатии Йозефа остаются на стороне евреев Словакии. Будучи состоятельным человеком, он приобрел лесной участок в окрестностях города, ставший безопасным местом для сбора и обучения юношей и девушек. Йозеф придерживается лишь одного правила: в пятницу утром, перед Шаббатом, все должны вернуться домой и оставаться дома до воскресенья.

На кухне, глядя, как Йоси бросает в Циби корку хлеба, Йозеф вздыхает. Подготовка этой группы завершена – ребята уезжают через две недели. Его тренировочный лагерь успешно функционирует. Восемь групп уже уехали в Палестину, а эти все еще дурачатся.

– Если нас не убьет палестинская жара, то убьет твоя стряпня, Циби Меллер! – кричит забияка Йоси. – Может, тебе лучше заняться *выращиванием* еды.

Циби подсказывает к нему и обхватывает его рукой за шею.

– Попробуй еще швырнуть в меня чем-нибудь – и не доживешь до Палестины! – Она слегка сдавливает ему горло.

– Все по местам! – командует Йозеф. – Заканчивайте и выходите на улицу. Через пять минут начинается тренировка... Циби, тебе нужно дополнительное время для освоения навыков по выпечке хлеба?

Отпустив Йоси, Циби встает по стойке смирно:

– Нет, сэр, сколько бы времени я ни проводила на кухне, не замечаю никакого прогресса.

Пока она говорит, слышно, как по деревянному настилу импровизированной столовой чиркают ножки стульев, когда двадцать еврейских парней и девушек поспешно заканчивают трапезу, чтобы поскорее начать тренировку на воздухе.

Строясь в неровные шеренги, они встают по стойке смирно, когда к ним, широко улыбаясь, подходит их наставник Йозеф. Он гордится храбрыми ребятами, жаждущими отправиться в опасное путешествие, покидающими свои семьи, свою страну, когда вокруг свирепствуют война и нацисты. Будучи зрелым и мудрым, он предвидел будущее евреев в Словакии и организовал «Хахшару», считая, что это единственный шанс пережить грядущие события.

– С добрым утром, – говорит Йозеф.

– С добрым утром, – хором отвечают ученики.

– «В этот день заключил Господь завет с Авраамом, сказав...» – начинает он, проверяя знание текста из Библии.

– «Потомству твоему даю Я землю сию, от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата»¹, – подхватывает группа.

– «И Господь сказал Авраму...»

---

¹ Бытие, 15: 18. – Здесь и далее примеч. перев.

– «Оставь свою страну, свой народ и отцовский дом и иди в землю, которую Я укажу тебе»², – заканчивают они фразу.

Торжественность момента нарушается ревом грузовика, преодолевающего расчищенный участок леса. Машина останавливается неподалеку, и из нее вылезает местный фермер.

– Йоси, Ханна, Циби, вы сегодня первые займетесь обучением вождению. И, Циби, меня не волнует, какая ты стряпуха, ты должна освоить вождение автомобиля. Занимайся этим с тем же пылом, с каким недавно схватила Йоси за шею, и очень скоро ты сможешь обучать других. Я хочу, чтобы каждый из вас отличился в чем-то одном, а затем помог с обучением других. Ясно?

– Да!

– А теперь остальные идите к сараю. Там много сельскохозяйственных инструментов, которыми вы научитесь пользоваться.

Циби, Ханна и Йоси подходят к водительской двери грузовика.

– Ладно, Циби, давай ты первая. Постарайся ничего не сломать, пока дойдет очередь до нас с Ханной, – шутливо говорит Йоси.

Циби насккивает на Йоси и снова обнимает его рукой за шею.

– Пока ты возишься с первой передачей, я уже буду ездить по улицам Палестины! – кричит Циби ему в ухо.

– Ладно, перестаньте вы! Циби, залезай в машину. Я сяду на пассажирское сиденье, – говорит фермер.

Циби лезет в кабину, а Йоси подталкивает ее сзади. Остановившись на подножке, Циби обдумывает, как ей реагировать, и решает, что, когда настанет очередь Йоси, она поможет ему тем же способом.

То, как Циби со скрежетом включает передачу и машина скачками срывается с места, вызывает у Йоси и Ханны дикий хохот. Из водительского окна высовывается рука с поднятым средним пальцем.

---

² Бытие, 12: 1.

Глава 3

Вранов-над-Топлёу, Словакия

Март 1942 года

– Ливи, хватит смотреть в окно! – умоляет Хая. – Магда вернется домой из больницы, когда окончательно поправится.

Хая, не уверенная, что правильно поступила, отправив Магду в больницу, продолжает сокрушаться о том, что Менахема нет в живых. Понимая, что это неразумно, она чувствует: ни войны, ни немцев, ни капитуляции ее страны перед нацистами – ничего бы этого не было, будь он в живых.

– Но, мама, ты говорила, она не так уж больна. Так почему она до сих пор в больнице? Уже прошло столько дней!

Ливи хнычет, но Хая не хочет больше отвечать. Она слишком часто слышала этот вопрос и отвечала на него.

– Ты знаешь ответ, Ливи. Доктор Кисели подумал, что она быстрее поправится, если ты перестанешь ей все время докучать. – Хая еле заметно улыбается.

– Я ей не докучала! – обижается Ливи.

Надувшись, она отодвигается от окна, позволяя опустить штору, которая отгораживает их от мира, становящегося все более беспокойным и угрожающим. Мать теперь неохотно отпускает Ливи из дому даже в магазин и не разрешает видеться с друзьями, объясняя дочери, что за ними повсюду следят глаза Глинковой гвардии, которая устраивает облавы на молодых еврейских девушек вроде нее.

– Я чувствую себя здесь заключенной! Когда Циби вернется домой?

Ливи завидует свободе Циби, ее планам уехать в обетованную землю.

– Она придет домой через два дня. Отойди от окна.

Раздается громкий стук во входную дверь, и из кухни поспешно выходит Ицхак, который вырезал там из дерева звезду Давида. Он направляется к двери, но Хая останавливает его взмахом руки:

– Нет, отец, я сама открою.

Открыв дверь, Хая видит на пороге двоих молодых людей из Глинковой гвардии и вздрагивает. Перед ней в зловещей черной форме стоят полицейские и, что более важно, солдаты Адольфа Гитлера. Они не станут защищать ее или любого другого еврея в Словакии.

– Здравствуй, Висик, как поживаешь? А твоя мать, как там Ирена?

Хая не хочет показать им свой страх. Она знает, зачем они пришли.

– Хорошо, спасибо.

Другой полицейский делает шаг вперед. Он выше, явно злее и представляет собой большую угрозу, чем первый парень.

– Мы здесь не для того, чтобы обмениваться любезностями. Вы госпожа Меллер?

– Да, вы же знаете. – Сердце Хаи бьется в горле. – Чем могу вам помочь, мальчики?

– Не называйте нас мальчиками! – резко отвечает старший парень. – Мы члены патриотической Глинковой гвардии на официальном задании.

Хая знает, что это чушь. В них нет ничего патриотического. Пройдя обучение в СС, эти люди повернулись против собственного народа.

– Простите, я не хотела вас обидеть. Я могу вам чем-то помочь?

Хая старается быть спокойной, надеясь, что они не заметят ее дрожащих рук.

– У вас есть дочери?

– Вы знаете, что есть.

– Они здесь?

– Вы хотите сказать, в данный момент?

– Госпожа Меллер, скажите, живут ли они с вами *в данный момент*?

– Сейчас со мной живет Ливи, самая младшая.

– А где остальные? – Второй полицейский делает еще один шаг вперед.

– Магда в больнице. Она очень больна, и я не знаю, когда ее выпишут домой, а Циби...

Висик, ты ведь знаешь, чем занимается Циби и почему ее нет дома.

– Прошу вас, госпожа Меллер, не называйте меня по имени, вы меня не знаете, – просит Висик, смущенный ее обращением в присутствии другого глинковца.

– В таком случае Ливи должна явиться в синагогу в пятницу к пяти часам. – Говоря это, второй глинковец смотрит мимо Хаи вглубь комнаты. – Она может взять с собой один чемодан. Оттуда ее отправят на работы для немцев. Она должна прийти одна, без сопровождения. Вы уяснили переданное вам распоряжение?

– Я только что сказала вам! – с горящими глазами в ужасе произносит Хая. – Вы не можете забрать Ливи. Ей всего пятнадцать. – Хая с мольбой протягивает руки к Висику. – Она совсем ребенок.

Оба парня отступают назад, не зная, чего ждать от Хаи. Второй полицейский тянется к пистолету в кобуре.

Ицхак делает шаг вперед и отодвигает Хаю.

– Вы слышали наш приказ. Имя вашей дочери будет в списке девушек, которых отправляют на работы. – Висик наклоняется к ней и говорит сквозь зубы: – Для нее же хуже будет, если она не придет.

Пытаясь восстановить свой авторитет, он расправляет плечи, вздергивает подбородок и, торжествующе посмеиваясь, уходит по тропинке.

Хая глядит на Ливи, которую прижимает к себе дед. Лицо Ицхака искажено от боли, он не в силах скрыть гнев и чувство вины, ведь он не сумел защитить свою младшую внучку.

– Дедушка, все нормально. Мама, я могу поехать и поработать на немцев. Уверена, это продлится недолго. Это всего лишь работа, вряд ли она будет такой уж тяжелой.

Комната вдруг погружается в сумрак. Солнечный свет, недавно струившийся в комнату, закрывается темными тучами, которые виднеются из-за опущенной шторы, дом сотрясается от раскатов грома, и через секунду по крыше начинает стучать сильный дождь.

Хая смотрит на Ливи, свою маленькую воительницу, голубые глаза и пляшущие кудряшки которой изобличают ее решимость. Ливи смотрит прямо в глаза матери, но Хая отводит взгляд, хватаясь руками за платье на груди и чувствуя боль – признак своей беспомощности.

Слов не найти. По пути в свою комнату Хая с опущенными глазами дотрагивается до плеча дочери. Ливи и Ицхак слышат, как закрывается дверь спальни.

– Мне надо...

– Нет, Ливи, оставь ее. Она скоро выйдет.

Глава 4

Вранов-над-Топлёу, Словакия

Март 1942 года

– Ливи, что ты делаешь? Пожалуйста, убери эти свечи с окна!

Хая вытирает испачканные в муке руки о фартук и подступает к Ливи. Ну почему дочь упорно торчит у окна? Прошло два дня с тех пор, как Глинкова гвардия приказала ей выдать младшую дочь. У них осталась лишь одна ночь под общей крышей. Закрыв глаза, Хая упрекает себя. Зачем она ругает дочь? Почему последние два дня она почти все время молчит, погружившись в невеселые мысли, вместо того чтобы провести эти бесценные часы в разговорах с Ливи, изливая на нее свою любовь.

– Нет, мама, я должна оставить их на окне. Я освещаю путь домой для Циби.

– Но ты же знаешь, нам не разрешают...

– Мне все равно! Что они могут сделать – забрать меня? Они и так забирают меня завтра! Если это будет последняя ночь в моем родном доме, я хочу, чтобы на окне стояли свечи.

Пока они говорят, к дому подходит не замеченная матерью и сестрой Циби. Она врывается в дом, зовя на ходу:

– Котенок, ты где?

Ливи визжит от восторга и бросается к Циби в объятия. Хая пытается сдержать слезы и не может.

– Неужели я слышу легкую поступь моей старшей внучки? – произносит Ицхак со свойственными ему теплотой и юмором.

Хая и Ицхак крепко обнимают Циби и Ливи.

– Мама, я еще в конце улицы учуяла запах твоей стряпни. Я так долго питаюсь тем, что сама готовлю, и теперь умираю от голода.

– Но все же ты пока жива, – шутит Ицхак.

Хая позволяет Ливи рассказать сестре о госпитализации Магды, говоря ей, что доктор Кисели обещает, что с Магдой все будет хорошо. Когда Ливи замолкает, Хая кивает Ицхаку.

– Ливи, помоги мне принести дров с заднего двора для печки. Ночь будет холодной, и нам надо, чтобы в кухне было тепло.

– Это обязательно? Циби только что вернулась домой, и я хочу услышать все о ее приключениях, – стонет Ливи.

– Для этого у вас еще полно времени. Ну давай, помоги старику.

Когда за Ицхаком и Ливи закрывается дверь кухни, Циби поворачивается к матери:

– Ладно, что у вас происходит?

– Пойдем со мной, – говорит Хая, отводя дочь в спальню и закрывая за собой дверь.

– Мама, ты меня пугаешь. Рассказывай!

Хая делает глубокий вдох:

– Твоя сестра будет работать на немцев, за ней приходили глинковцы. – Хая с трудом заставляя себя взглянуть на Циби. – Завтра ей велено прийти в синагогу. Я не знаю, куда ее отправят, но мы надеемся, это ненадолго и... и...

Хая тяжело опускается на кровать, а Циби продолжает стоять, уставившись на то место, где только что стояла ее мать.

– Но они не имеют права. Она еще ребенок. Что она может делать для немцев? – Циби скорее обращается к себе, чем к матери. – А дядя Айван не может помочь?

Хая рыдает, закрыв лицо ладонями:

– Никто не может нам помочь, Циби. Я... я не смогла их остановить. Не смогла...

Циби садится рядом с матерью и отводит ее руки от лица:

– Мама, я обещала заботиться о сестрах. Разве не помнишь?

За столом при зажженных свечах собралась на ужин семья Меллер, и каждый спрашивает себя, когда они снова соберутся вместе. Они произносят молитвы о Магде, о покойном отце девочек, о покойной жене Ицхака, их бабушке. Они стараются получить удовольствие от общения друг с другом, как это было всегда, но над столом им мерещится какая-то пугающая тень.

Тарелки пусты, и Хая дотрагивается до руки Ливи. Циби протягивает одну руку сидящему рядом Ицхаку, а другую – матери. Ливи берет деда за руку, все время глядя через стол на Циби. Семейный круг крепок. Циби выдерживает взгляд Ливи. Хая не поднимает глаз, не в силах остановить струящиеся по лицу слезы. И только когда Хая не может больше сдерживать рыдания, девочки устремляют взгляды на мать. Ицхак высвобождает руки, чтобы обнять дочь.

– Я уберу со стола, – тихо говорит Ливи, вставая.

Но Циби берет из рук Ливи тарелку:

– Оставь, котенок. Я сама уберу. Иди готовься ко сну.

Хая и Ицхак не возражают, и Ливи тихо выходит из кухни.

Циби ставит тарелку на стол и шепчет:

– Я поеду с ней. Она еще ребенок и не может ехать одна.

– О чем ты говоришь? – Ицхак в смятении морщит лицо.

– Завтра я поеду с Ливи. Я позабочусь о ней, а потом привезу ее к вам. Покуда я дышу, с ней ничего плохого не случится.

– В их списке только ее имя, они могут не разрешить тебе, – рыдает Хая.

– Мама, они меня не остановят, ты же знаешь. Если Циби чего-то захочет, она это получит. А вы позаботьтесь о Магде до моего возвращения.

Циби вздергивает подбородок. Она приняла решение. В свете свечей ее волосы отливают золотом, сверкают большие зеленые глаза.

– Мы не вправе просить тебя сделать это, – тихо произносит Ицхак, поглядывая на дверь спальни.

– Вам и не нужно, говорю же: я поеду. Значит, надо собрать два чемодана.

Хая поднимается со стула, чтобы обнять своего первенца, шепча в ее пышные волосы:

– Спасибо тебе, спасибо.

– Я ничего не забыла?

Из спальни появляется Ливи и останавливается у двери, не решаясь войти в комнату. В воздухе повисло напряжение. Ицхак подходит к Ливи, осторожно подталкивает ее к столу и усаживает на стул.

– Котенок, а ты знаешь, я завтра еду с тобой! – Циби подмигивает сестре. – Ты же не думала, что я позволю тебе веселиться в одиночку, правда?

– Что ты хочешь этим сказать? В списке нет твоего имени, только мое.

Как и Ицхак несколько минут назад, Ливи смущена, мужество покидает ее. Она пытается что-то сказать, шмыгает носом, чтобы сдержать слезы.

– Я сама об этом позабочусь, ладно? Ты должна знать, что с этого момента мы будем вместе. Кто еще будет отчитывать тебя за плохое поведение?

Ливи смотрит на мать и деда:

– Это вы сказали ей, чтобы она поехала со мной?

– Нет, котенок, нет. Никто не просил меня об этом. Я сама хочу. Я настаиваю на этом. Вспомни, как мы обещали отцу, что всегда будем вместе. Магда больна, и мы ничего не можем с этим поделать, но мы с тобой сдержим обещание и скоро вернемся домой.

– Мама?

Хая обхватывает ладонями лицо Ливи:

– Твоя сестра едет с тобой, Ливи. Понимаешь? Тебе не придется ехать одной.

– Будь с нами Менахем, он знал бы, что делать, как защитить своих дочерей, – охрипшим от слез голосом произносит Ицхак.

Хая, Циби и Ливи смотрят на плачущего старика, явно чувствующего свою вину от бессилия защитить девочек.

Три женщины заключают его в объятия.

– Дедушка, ты единственный отец, которого я помню. Ты всю жизнь защищаешь меня, и я знаю, ты будешь охранять нас с Циби, даже если мы не вместе. Не плачь, пожалуйста, ты нужен нам здесь, чтобы заботиться о маме и Магде, – упрасивает Ливи.

– Будь Менахем с нами, он не сделал бы больше того, что делаешь ты, отец, – добавляет Хая. – Ты оберегал нас и заботился о нашем благополучии со времени его смерти – уж поверь мне.

В кои-то веки Циби не находит что сказать. Она вытирает слезы со щек Ицхака, и этот жест красноречивее слов.

Ливи нарушает неловкое молчание, переводя взгляд с одного члена семьи на другого, потом на обеденный стол:

– Убрать со стола?

Ицхак сразу принимается собирать тарелки:

– Я сам. А вы, девочки, отдыхайте.

Циби входит в спальню, но не раздевается.

– Ты в порядке? – спрашивает Хая со своей кровати.

Рядом с матерью свернулась калачиком Ливи.

– А для меня найдется местечко? Мне бы хотелось сегодня спать с вами.

Пока Циби переодевается, Хая отодвигает одеяло в сторону, а потом три женщины ложатся рядом, чтобы провести последнюю ночь вместе. Циби смотрит на пустую кровать Магды, представляя себе, как та рассердится, когда увидит, что осталась одна, и думает о данном отцу обещании – держаться вместе. Но разве у них есть выбор?

Когда дочери засыпают, Хая, обхватив себя руками, садится в кровати. В комнате прохладно. Сегодня они не задернули на ночь шторы, и на лицах ее дочерей лежат отсветы лунного сияния.

На кроватях навалена одежда: платья, свитеры, толстые чулки и белье. Хая берет одну вещь за другой, рассматривает, вспоминая, когда ее сшили или купили, а затем укладывает в один из двух небольших чемоданов. Они стараются отбирать не самые хорошие вещи, и Хая настояла, чтобы лучшая одежда осталась висеть в шкафу, дожидаясь их возвращения. Тем не менее она выбирает одежду, которая нравится дочерям. Циби всегда носит юбку и блузку только одного цвета, и ее выбор нередко вызывает приступы гнева у Магды, которая вынуждена донашивать одежду за Циби, хотя обожает красивые платья в цветочек и шарфы. Ливи тоже предпочитает платья, но скорее с точки зрения практичности: два предмета одежды надевать дольше, чем одно платье, и зачем попусту терять время? Для Ливи приготовлены три платья и шарфики, которые не дадут непокорным волосам лезть в глаза.

В комнату входит Ицхак, держа в руках маленькие банки сардин и зажав под мышкой пирог, который испекла Хая для обеда в Шаббат. Только на этом обеде не будет ни Циби, ни Ливи. Отодвинув одежду, он кладет на кровать еду.

– Дедушка, можешь выйти с Ливи на улицу? Я уверена, она с удовольствием погуляет с тобой, а мы с мамой займемся сбором вещей, – говорит Циби.

– Можно я помогу? – спрашивает Ливи.

– Мы сами, котенок. Иди погуляй с дедушкой.

Видя печаль матери, Ливи не спорит.

– Не клади мне этот пирог. Ты же знаешь, я не очень его люблю. Оставь себе с дедушкой.

Циби очень расстроена, что придется покинуть лагерь «Хахшары», не сказав им, куда она едет. Они будут ждать ее возвращения в воскресенье. Она думает о Йоси, его смеющихся глазах... Сколько времени она будет отсутствовать? Пока с Палестиной придется подождать, но однажды она уедет туда вместе с сестрами и даже с матерью и дедом.

– Мама, нам нужно совсем немного вещей, а не это всё! И нам нужны теплые вещи: свитеры на случай холодных ночей и пальто для каждой. Пожалуйста, убери эти платья.

Вопреки невзгодам Хая ловит себя на том, что улыбается.

– Ты такая умница, моя Циби. Я знаю, ты сможешь защитить сестру. – Вздыхнув, она вспоминает то, что хотела сказать Циби. – Когда будешь далеко от нас, пожалуйста, делай то, что тебе скажут. Ты привыкла всегда пререкаться со всеми, но я думаю, сейчас не время высказывать свое мнение.

– Не понимаю, о чем ты, – стараясь сдержать смехок, отвечает Циби.

– По-моему, ты отлично понимаешь, о чем я тебя прошу. Подумай, прежде чем что-то сказать, – это все, о чем я говорю.

– Ты успокойся, если я скажу, что постараюсь?

– Успокоюсь. А теперь покончим с упаковкой чемоданов. Надо еще втиснуть туда немного еды.

– Наверняка нас будут кормить! – восклицает Циби. – Нам также понадобятся книги, я хочу взять пару.

Она идет в гостиную, чтобы посмотреть там книги на полках.

– Принеси липового чая, и я положу вам с собой. Если не будет горячей воды, вы сможете пить его холодным, – говорит Хая. – Он хорошо помогает от простуды и озноба.

Оставшись в спальне одна, Хая вновь перебирает отдельные вещи дочерей, поднося каждую к лицу и вдыхая такой знакомый запах своих девочек. Она убеждает себя быть сильной: ее девочки храбрые и сделают все, о чем ни попросят немцы, и они вернутся домой. Магда поймет, почему ее пришлось отослать. Война закончится, и жизнь вернется в нормальное русло. Может быть, даже к Хануке.

Глава 5

Больница Гуменне, Словакия

Март 1942 года

– Я хочу видеть доктора Кисели! – почти встав с постели, требует Магда у медсестры, оказывающей помощь пожилой женщине на соседней кровати.

В палате в два ряда стоят двенадцать металлических кроватей, и все они заняты больными. Храп, кашель, плач и стоны делают сколько-нибудь продолжительный сон невозможным. Магда догадывается, в каких случаях кровать отгораживают деревянной ширмой: когда с пациентом должно произойти что-то нехорошее. На маленькой прикроватной тумбочке рядом с кроватью Магды стоит фотография ее семьи.

У входа в палату находится небольшая стойка, за которой сейчас сидит дежурная медсестра, наблюдая за своими подопечными и отдавая распоряжения.

– Ляг в кровать, Магда! Скоро доктор Кисели начнет обход, и тогда увидишь его.

– Я не хочу в кровать. Я хочу домой. Я хорошо себя чувствую.

– Делай, что тебе говорят, или я пожалуйсь доктору Кисели на то, что ты нарушаешь постельный режим.

Со строптивостью, свойственной подросткам, Магда с тяжелым вздохом садится поверх одеяла, скрестив ноги. Она скучает и не может взять в толк, почему она все еще здесь, хотя температура у нее пришла в норму еще вчера. Она жаждет вернуться домой к маме, деду и Ливи. А тут еще и мать вчера не пришла: что-то случилось, но что? К тому же Магда хочет, чтобы мама разрешила ей вместе с Циби посещать лагерь «Хахшары», правда, ее помощь по дому неоценима, ведь Магда, будучи средней из дочерей, отличается послушанием.

Она все еще погружена в свои мысли, когда в отделение входит доктор Кисели и направляется к первой пациентке.

– Доктор Кисели! – восклицает Магда.

Медсестра спешит к Магде, веля ей замолчать и дожидаться своей очереди.

Доктор Кисели говорит что-то пациентке, а затем подходит к Магде:

– С добрым утром, Магда. Как ты сегодня себя чувствуешь?

– Хорошо, доктор. Я совершенно здорова и хочу домой. Я нужна маме и деду.

Доктор Кисели снимает с шеи стетоскоп и выслушивает грудь Магды. Женщины с соседних кроватей стараются увидеть, что он делает, услышать его слова. Всем в больнице очень скучно.

– Мне жаль, Магда, но у тебя еще сохраняется воспаление. Я не могу выписать тебя.

– Но я чувствую себя хорошо, – упорствует Магда.

– Ты будешь слушать доктора? – возмущается медсестра.

Доктор Кисели присаживается на край кровати Магды и делает ей знак наклониться к нему.

– Магда, послушай меня, – шепчет он. – Для тебя и твоих близких будет лучше, если ты побудешь здесь еще несколько дней. Я не собирался говорить тебе, но теперь у меня нет выбора.

Голубые глаза Магды в страхе распахиваются. Она кажется доктору Кисели гораздо моложе своих семнадцати лет: в этой тоненькой ночнушке, с косичками она выглядит на тринадцать-четырнадцать. Магда кивает, чтобы доктор продолжал, – она была права, происходит что-то странное.

– Не хочу пугать тебя, но дело вот в чем. – Вздохнув, доктор опускает глаза на стетоскоп и только потом поднимает взгляд на Магду. – Глинкова гвардия собирает молодых еврейских

девушек и отправляет их работать на немцев. Я хочу помочь тебе остаться с родными, а в больнице ты будешь в безопасности. Понимаешь?

Магда быстро переводит глаза с доктора на медсестру и обратно. Она видит на их лицах тревогу и участие. Она сама слышала разговоры о том, что немцам нужны молодые люди для работы, но не представляла себе, что к этим молодым людям относится и она с сестрами. У нее сильно колотится сердце. Ее сестры! По-прежнему ли Циби в безопасности у себя в лесу? А Ливи?

– Мои сестры! – в страхе чуть слышно произносит она.

– Все в порядке, Магда. Циби сейчас дома нет, а Ливи слишком молода. Тебе нужно лишь оставаться на месте, пока глинковцы не найдут других молодых людей для отправки, а после этого пойдешь домой. Потерпи еще немного. Пусть персонал позаботится о тебе. Помни, что твои мама и дедушка дали разрешение, так что, пожалуйста, не разочаровывай их, Магда.

Медсестра берет Магду за руку и ободряюще улыбается ей, но Магда не успокаивается. Она обещала отцу, заключила договор с сестрами, а теперь каждая из них сама по себе и не знает, как дела у других.

Магда лишь кивает в знак согласия остаться в больнице. Улегшись на узкую кровать, она смотрит в потолок. На глазах у нее вскипают слезы гнева, разочарования – и страха.

Глава 6

Вранов-над-Топлёу, Словакия

Март 1942 года

– Ливи, пожалуйста, не оглядывайся! Прошу тебя, не оглядывайся! – уговаривает Циби сестру.

Девушки по тропинке от дома выходят на улицу. На пороге мать рыдает в объятиях их деда. Ливи все же оглянулась, когда закрывала ворота. Ее всхлипывание при виде материнского горя отзывается болью в сердце Циби, но ради Ливи, ради матери Циби надо быть сильной.

Она выпрямляется и, переложив маленький чемодан из одной руки в другую, обнимает Ливи за талию, и сестры уходят прочь от дома.

– Просто иди, шагай со мной в ногу. У тебя хорошо получается, Ливи. Не успеешь оглянуться, как мы уже вернемся домой.

Стоит яркий весенний день. Воздух свежий и чистый, небо глубокого лазурного оттенка. Темно-каштановые кудри Ливи блестят на солнце, а волнистые волосы Циби подрагивают при ходьбе. Девушки знают, что соседи задерживаются в своих палисадниках, наблюдая, как сестры и другие еврейские девушки идут к синагоге. Инстинктивно, а может быть, из упрямства Ливи и Циби смотрят прямо перед собой.

Циби не уверена, что ее слова утешения хоть как-то действуют на Ливи. Чуть дрожа, сестра прижимается к ней. Куда они поедут? Чего от них ожидают? Но Циби больше всего мучает вопрос: разрешат ли ей остаться с сестрой?

Ливи всего пятнадцать, и она выглядит моложе своего возраста. Как она справится в одиночку?

– Магда должна быть здесь с нами, – прерывая ее мысли, говорит Ливи. – Разве мы не должны всегда быть вместе?

– Магда сейчас в безопасности, и это самое главное. У тебя есть я, а у меня – ты. Мы выполним работу, вернемся домой и тогда снова будем вместе.

– А наш уговор, Циби, никогда не разлучаться?

– Сейчас мы ничего не можем с этим поделать. – Циби не хотела, чтобы ее слова прозвучали так резко, потому что Ливи плачет.

– Обещай! – всхлипывает Ливи. – Обещай, что мы вернемся домой и снова будем вместе с Магдой, мамой и бабушкой.

– Милый котенок, обещаю, что скоро мы вернемся по этой улице домой. Просто я не знаю когда. Но я буду оберегать тебя до последнего вздоха, а это будет еще очень не скоро. Ты веришь мне?

– Конечно верю. – Слезы Ливи на миг утихают, и она сжимает руку Циби. – Ты ведь Циби. Ничто не помешает Циби добиться того, чего она хочет.

Сестры улыбаются, но глаза их полны слез.

Циби замечает других молодых девушек с такими же небольшими чемоданами, как у них,двигающихся в том же направлении. Она замечает рыдающих матерей, которых обезумевшие отцы затаскивают обратно в дома. Они словно попали в какой-то ночной кошмар. Некоторые девушки идут сами по себе, другие с сестрами или кузинами, но никто не переходит улицу, чтобы присоединиться к подругам. По какой-то причине они знают, что этот путь надо пройти в одиночку.

– Ливи, а почему здесь нет парней? – спрашивает Циби.

– Может быть, парней уже забрали.

– Мы бы услышали, если бы забрали.

– Правда, почему только девушки, Циби? Какой толк от девушек на тяжелой работе?

Чтобы разрядить напряжение, Циби выдавливает из себя улыбку:

– Может, кто-то решил, что мы можем делать то же, что и парни.

Они получили ясное предписание: явиться в синагогу к пяти часам вечера в Шаббат. По обе стороны от дверей в обучающий центр, находящийся рядом с храмом, стоят глинковцы и хмуро смотрят на девушек. В центре есть большая классная комната, в которой девочки с раннего детства получали религиозное образование. Циби, как всегда, испытывает религиозный трепет перед синагогой. Это здание с башней, где она молилась вместе с родными и где их утешали друзья после кончины отца и бабушки. Обычно надежное и безопасное место для ее соплеменников, сегодня это здание не может оградить их от бед. Его разорили нацисты. Разорили глинковцы.

Девушек отводят в классную комнату, куда прорвались немногие родители, проигнорировавшие запрет. Теперь их осыпают бранью и бьют дубинками, требуя идти домой.

– Побудь здесь, – обращается Циби к Ливи, отпуская ее руку и ставя на пол чемодан.

Поспешив к выходу, Циби хватается за руку юную девушку, которая вцепилась в свою мать и не желает отпускать ее. Глинковец бьет женщину по спине, снова и снова, но та не отпускает дочь. Небольшая толпа в немом ужасе наблюдает за жестокой расправой.

– Давай пойдем со мной.

В этот момент смелость Циби пересиливает ее страх. Циби тянет девушку, и та отпускает мать. С плачем и воплями девушка тянется к матери, которую в это время оттаскивают глинковцы.

– Она со мной. Я позабочусь о ней, госпожа Гольдштейн! – кричит Циби, загоняя девушку по имени Рут в комнату.

Помещение заполняется девушками, их заплаканные лица выражают страх. Здесь царит печаль и отчаяние.

– Рути, Рути! Иди сюда! – зовет голос.

Циби оглядывается и замечает Эви, их молодую соседку, которая зовет к себе Рути Гольдштейн.

– Это твоя кухня, да? – спрашивает Циби, и Рути кивает.

– Теперь все будет хорошо. – Рути со слезами на глазах улыбается Циби. – Она моя родственница.

Циби подходит к тому месту, где оставила Ливи.

– Надо найти место у стены, там удобнее, – говорит она и уводит сестру с середины комнаты.

Сестры стоят в ожидании инструкций, глядя, как в помещение заталкивают все больше девушек. На улице воздух прохладный и свежий, но в помещении становится душно и шумно от разговоров и рыданий. Когда-то эта комната быламестилищем счастливых детских воспоминаний, теперь же она враждебна им.

Начинает темнеть, и под потолком зажигаются две лампочки, испускающие тусклый желтоватый свет.

Вдруг без предупреждения дверь захлопывается, что только усиливает страх девушек.

– Мне страшно, Циби! Я хочу домой! – плачет Ливи.

– Я знаю, я тоже, но нельзя. Давай пока присядем. – Они садятся на пол, упираясь спинами в стену, и Циби ставит их чемоданы себе и Ливи между ног. – Ты должна во что бы то ни стало следить за своим чемоданом, понятно? Не выпускай его из виду.

– Что с нами будет? – спрашивает Ливи.

– Думаю, нас оставят здесь на ночь, так что надо как-то устроиться. – Циби обнимает Ливи за плечи и кладет ее голову себе на грудь. – Ливи, котенок мой, ты голодная? – (Ливи снова плачет, качая головой.) – Просто закрой глаза и постарайся уснуть.

– Я не смогу уснуть.

Из глубин памяти Циби всплывают слова чешской колыбельной, которую она когда-то пела Ливи. Она принимается тихонько напевать.

Ложись, мой ангел, усни поскорей.
Так мама качает малых детей.
Спи, моя крошка, сладких снов.
Так мама качает малых детей.
Ложись, мой ангел, усни поскорей.
Так мама качает малых детей.
Спи, моя крошка, сладких снов.
Так мама качает малых детей.

Циби крепко прижимает к себе Ливи и через несколько минут слышит ее ровное дыхание. Циби шлет заснувшей младшей сестре всю свою любовь.

– Я никому не позволю обидеть тебя, – шепчет она, уткнувшись в ее душистые кудряшки.

Прислонившись спиной к стене, Циби наблюдает, как другие девушки отвоевывают себе пространство, чтобы сесть, ищут место, куда можно прислониться. Некоторые открывают чемоданы, достают оттуда небольшие консервные банки, куски хлеба, сыр и предлагают еду соседкам. Циби думает о «Хахшаре», о том, чем сейчас занимаются в лагере. В воскресенье они будут спрашивать, где она и почему не вернулась. Она старается не думать о маме и деде, которые сейчас садятся дома за скудный обед. Смогут ли они вообще есть? Циби думает о Магде – стало ли ей лучше? Жаль, сестра не с ними, но, может быть, ей лучше находиться в больнице.

Успокоенная этой мыслью, Циби закрывает глаза и вспоминает счастливые дни.

– *Завтра мы займемся организацией ваших спальных мест, поскольку знаем, что многие из вас хотят остаться в лагере и пройти обучение по программе «Хахшара». А пока сами найдите себе место и попытайтесь поспать. Обещаю, завтра все вы получите кровати, матрасы, одеяла и подушки.*

– А где мальчики? – интересуется одна из девушек.

Циби замечает ее нахальную ухмылку, блестящие глаза.

– В другой части лагеря. И, чтобы ты знала, это довольно далеко отсюда.

– Я Циби. А тебя как зовут? – спрашивает Циби у дерзкой девчонки.

Они лежат бок о бок на деревянном настиле, плотно завернувшись в пальто, чтобы укрыться от сквозняка, дующего через большие щели в стенах.

– Ализа. Приятно познакомиться, Циби. Откуда ты?

– Из Вранова. А ты?

– Из Бардеёва, но это ненадолго. Мне не терпится как можно скорее попасть в Палестину.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать. Не могу поверить, что я здесь, – нервно хихикая, говорит Циби.

– Думаете, мы будем обучаться вместе с парнями? – Вопрос Ализы не обращен к кому-то в отдельности.

– Это единственная причина, почему ты здесь, – встречаться с парнями? – Девушка, лежавшая рядом с ними, привстает.

– Нет, я хочу поехать в Палестину, – отвечает Ализа.

– Ну а я здесь только из-за парней, – доносится голос из глубины помещения.

– Поднимите руки те из вас, кто находится здесь, потому что хочет поехать в Палестину, – говорит Циби, стараясь, чтобы ее услышали.

Все девушки садятся и поднимают руку.

– А теперь поднимите руку те, кто здесь из-за парней, – говорит Циби. Все девушки перемигиваются, хихикают, и вновь подняты все руки.

Вместо того чтобы спать, как им было велено, они разговаривают и шутят, называют свои имена, говорят, откуда они, и делятся своими планами.

Циби испытывает необычайную гордость оттого, что решила быть среди этих незнакомых людей, объединенных одной целью. Ее жертва – покинуть свою семью, следуя мечте стать пионером в новой обетованной земле, – стоит того. Она приложит все усилия, чтобы добраться до Палестины, а потом привезет туда своих сестер, маму и деда. В этом небольшом помещении, в котором нет кроватей, но которое наполнено духом приключений, возникшее товарищество молодых женщин поддерживает горячее желание Циби как можно скорее начать обучение.

Она одна из тех девушек, которым завтра выдадут кровати.

Ализа встает и выкрикивает:

– Зачем, по-вашему, сюда приехали парни?

Девушки хором отвечают:

– Чтобы отправиться в Палестину И ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ДЕВУШКАМИ.

Циби резко просыпается.

– Я хочу к маме! Хочу к маме! – раздается в классной комнате жалобный плач какой-то девушки.

Ливи ворочается, чуть постанывая во сне. Циби шепчет ей слова утешения, и Ливи вновь засыпает.

Девушки просыпаются и потягиваются, когда в высокие окна проникает солнечный свет ранней весны. И вновь они спрашивают друг у друга: «Куда мы едем? Что нас заставят делать?» Ответов нет, и вскоре в комнате опять наступает тишина, девушки снова опускаются на пол и ждут. Некоторые достают припасы из своих чемоданов. По крайней мере, при свете дня помещение не кажется таким унылым и больше напоминает о прежних днях.

– Проснись, Ливи. Пора просыпаться. – Циби осторожно тормошит сестру, голова которой лежит у нее на коленях.

Ливи садится и обводит комнату смущенным затуманенным взором.

– Хочешь перекусить, Ливи? – спрашивает Циби.

– Я не голодна, – отвечает Ливи, глядя на девушек; некоторые плачут.

– Надо что-нибудь съесть. Неизвестно, сколько мы здесь пробудем.

Циби открывает свой чемодан в поисках еды, спрятанной под одеждой. Она достает пирог, испеченный матерью к обеду в Шаббат. Разворачивая до боли знакомое кухонное полотенце, Циби вдыхает аромат маминой стряпни. Отломив небольшой кусок, она протягивает его Ливи.

– Не хочу, ты же знаешь, я терпеть не могу этот пирог, – жалуется Ливи, отпихивая руку Циби.

– Ты должна его съесть. Он скоро испортится, а консервы следует поберечь. Тебе разве все равно, что мама сама испекла его? – Циби с улыбкой вновь протягивает кусок пирога Ливи.

Ливи неохотно берет и начинает отщипывать от него, поминутно закатывая глаза и делая вид, что давится. Циби с трудом заталкивает в себя свой порцию. У нее сухо во рту, и пирог отдает золой.

– Хочу пить, мне надо чем-то это запить.

Ливи принимается хныкать, и Циби вдруг теряет терпение. Ей тоже хочется плакать.

– Придется подождать. Не сомневаюсь, что скоро нам что-нибудь дадут.

Они не слышат, как открылась дверь, но вскакивают на ноги при звуках раскатистого голоса:

– Вставайте, пора идти! – Глинковец постукивает дубинкой по своей ладони.

Захлопнув чемодан, Циби быстро поднимается, хватая также чемодан Ливи.

– Держи чемодан при себе, – напоминает она сестре. – Нельзя, чтобы кто-нибудь отобрал его у тебя, понимаешь?

Ливи кивает, устремив взгляд на дверь, в которую продолжают входить глинковцы. Девушек выстраивают в две колонны и выводят на улицу. Они щурят глаза от яркого солнечного света этого погожего дня.

Циби подталкивает Ливи перед собой, держась за ее пальто. Им ни в коем случае нельзя потерять друг друга. На одной стороне улицы выстроились глинковцы, на другой – родственники девушек, в отчаянии зовущие своих дочерей, внучек и племянниц. Чтобы оказаться здесь, они нарушили комендантский час: евреям больше не разрешается бродить по городу в любое время. Они рискуют побоями и тюремным заключением, но многие пренебрегают наказанием, лишь бы только увидеть любимых детей. Циби знает, что в этой толпе нет матери и деда. Они никогда не покидали дом в Шаббат.

Глинковцы ведут девушек по улице, прочь от синагоги и горя.

– Куда мы идем? – шепотом спрашивает Ливи.

– Это дорога на железнодорожную станцию, – говорит Циби, указывая вперед. – Может быть, нас посадят в поезд.

По мере того как стихают горестные голоса родных, начинают раздаваться новые голоса – рассерженные, исполненные ненависти, – и они сопровождают их на всем пути по городу. Бывшие друзья и соседи бросают в них гнилые фрукты и заплесневелый хлеб, громкими криками выражая радость по поводу изгнания евреев. Циби и Ливи поражены этими злыми насмешками, потоками желчи, извергаемыми орущими ртами. Что случилось с людьми? Ведь этим женщинам их бабушка помогала при родах, эти люди делали покупки в лавке их матери или спрашивали ее мудрого совета.

Они проходят мимо госпожи Варговой, жены сапожника. Циби относилась к нему в ремонт – сделать набойки или прострочить. Часто госпожа Варгова не разрешала мужу брать с них деньги за ремонт, говоря, что девочки потеряли отца, раненного в битвах за родину. А сейчас она примкнула к орущей толпе – убранные в пучок волосы растрепались и висят вдоль лица. Эта женщина кричит Циби, Ливи и другим девушкам, что ненавидит их, что желает им смерти.

Циби прижимает Ливи к себе. Она не может уберечь сестру от этого зрелища, не может заткнуть ей уши. Она может лишь крепче обнять ее. В отличие от плачущих и жалующихся девушек рядом с ней, Циби вздергивает подбородок. Эта злобная толпа не увидит ее слез.

– Привет, Циби, по-моему, тебя не должны были сегодня отправить.

К ним направляется Висик, ее «друг» детства, ставший предателем из Глинковой гвардии. Всего лишь обещание получить щегольскую форму черного цвета сделало из Висика монстра. Циби игнорирует его.

– Что с тобой такое? – подступает он к ней, окидывая ее хмурым взглядом. – Почему не плачешь, как другие слабые еврейки?

Он идет рядом с ними, словно они мило прогуливаются в солнечный день. Циби привлекает Ливи ближе к себе и в то же время отодвигается от Висика, чтобы посмотреть ему в глаза.

– Не дожدهшься, Висик, чтобы я заплакала. А если мне захочется поплакать, я просто вспомню твою противную физиономию и рассмеюсь. А что до слабых евреев, то я не такая идиотка, чтобы прятаться за форму бандита, – со злостью говорит Циби.

К Висику подходит другой глинкавец.

– Верни их в колонну! – командует он.

– А потом отведи этого мальчугана к маме, – бросает Циби ему вслед, и они с Ливи примыкают к группе девушек.

– Циби, что ты делаешь? – Глаза Ливи округлились от страха.

– Ничего особенного, Ливи. Это было здорово!

Впереди видна железнодорожная станция. Циби была права. Она вспоминает их приятную прошлогоднюю поездку к родственникам в Гуменне. Сейчас их проводят через станцию на платформу. Надзиратели с криками заталкивают девушек в ожидающий поезд. Держа чемоданы над головой, они залезают в вагоны и находят себе место. Никто больше не плачет, – напротив, они спокойны, каждая девушка думает об оставленных близких и неизвестном будущем, лежащем перед ними.

Состав медленно отходит от станции. Ливи кладет голову на плечо Циби. Они смотрят в окно на яркий весенний день, мимо неспешно проплывают знакомые поля. Несколько раз поезд останавливается, но они не могут определить где, слева и справа поля, а в отдалении сияют великолепные снеговые вершины Татр, посылающие прощальный привет.

По проходу вагона идет проводник, держа в левой руке связку пустых кружек, а в правой кувшин с водой. Он вручает Циби и Ливи по кружке, наливает воды до половины и извиняется с печальной улыбкой. Циби сердито смотрит на него, а Ливи говорит: «Спасибо», залпом выпивает воду и возвращает кружку.

Наконец поезд подъезжает к станции с надписью «Попрад». Двери вагонов распахиваются, и глинкавцы заходят в вагоны с криками: «На выход! На выход!»

На платформе новые охранники из Глинковой гвардии щелкают длинными черными хлыстами рядом с лицами девушек, выходящих из состава.

– Циби, они ведь не станут нас бить? Мы не сделали ничего плохого, правда? – шепчет Ливи.

– Конечно нет, – отвечает Циби, надеясь, что ее голос не выдаст собственного страха.

В нескольких метрах от того места, где они стоят в ожидании новых распоряжений, одна из девушек подходит к глинкавцу что-то спросить, но тот поднимает хлыст и стегает ее по руке. Некоторые девушки в ответ на это громко кричат на него и отводят девушку в сторону. Циби прижимает к себе Ливи, когда платформа заполняется новыми охранниками, которые командуют построением сотен девушек в длинные колонны, чтобы вести их дальше.

Они идут не очень долго, и их останавливают перед протяженным забором из стальной сетки, за которым Циби различает несколько внушительных темных зданий.

Входя на территорию этого, судя по всему, военного лагеря, девушки замечают на транспортных средствах военную символику. По обе стороны единственной дороги, проходящей по всей длине огороженной сеткой территории, стоят бараки. Циби и Ливи примыкают к группе девушек, которых ведут к двухэтажным баракам. Запустив их внутрь, за ними захлопывают дверь. Девушки медленно опускаются на пол, находя себе место сесть, лечь или свернуться калачиком.

– Думаешь, нам дадут что-нибудь поесть? – спрашивает Ливи.

– Думаю, вряд ли будет больше того, что нам дали вчера вечером, – отвечает Циби.

– Но ничего не было.

– Да, ничего. Подождем немного, что же делать?

Плач и шепот слышатся в их комнате, как и в помещении над ними. Но ничего не поделаешь. Циби и Ливи ложатся на пол и, подложив под головы свитеры, укрывшись пальто, в конце концов засыпают, от усталости не чувствуя даже голода, страха или каких-то желаний.

На следующее утро, не получая никаких указаний от охранников, девушки чувствуют себя еще более подавленно. Циби считает: то, что их оставили в этом помещении, предоставив мыслям о худшем, – это часть плана Глинковой гвардии. Напуганными, голодными женщинами куда легче манипулировать.

Ливи забирается на свой чемодан, чтобы выглянуть через окно во двор.

– Что ты там видишь? – спрашивает Циби.

Вокруг собрались другие девушки. Привстав на носки, Ливи всматривается в мутное стекло. Опираясь на подоконник одной рукой, другой она пытается смахнуть рукавом пыль, но теряет равновесие и разбивает стекло, после чего падает на пол, осыпанная осколками стекла.

Циби быстро оттаскивает ее от окна, и другие девушки тоже уходят вглубь помещения, не желая иметь отношения к разбитому стеклу.

– Ты в порядке? Не поранилась?

Циби сметает с волос и пальто Ливи осколки стекла.

– В порядке, – быстро отвечает Ливи.

– Ну-ка дай посмотрю.

Циби осматривает лицо Ливи, а потом берет ее за руки. От середины правой ладони Ливи тянется длинный кровавый порез. Кровь капает на пол. Циби приподнимает свою юбку и берется за белую полотняную нижнюю юбку. Наклонившись, она хватается зубами ткань, разрывает ее и начинает отдирать длинные полосы, которыми забинтовывает рану Ливи. Почти сразу через белую ткань проступает кровь.

Ливи оцепенело смотрит, как сестра перевязывает ее пораненную руку. Боли она не чувствует.

Распахивается дверь, и входят трое охранников. Не говоря ни слова, они хватают двух девушек за руки, выволакивают их из барака и захлопывают дверь.

Остальные девушки с ужасом наблюдают за происходящим, прижимаясь друг к другу.

Проходит час или больше. Дверь вновь открывается, и девушкам приказывают выходить. На пороге у тех из них, кто взял с собой чемоданы, отбирают их. Циби слышит, как один из охранников говорит девушке, что ее чемодан будет на месте, когда она вернется.

Девушек приводят в другое здание, с большой кухней в задней части. Они выстраиваются в очередь и оказываются перед приведенными сюда ранее шестью девушками, которые подают им маленькую оловянную миску с разваренной капустой и куском хлеба величиной с их кулак. Возможно, когда-то здесь была столовая, но сейчас здесь нет ни столов, ни стульев, поэтому девушки садятся на пол, заполняя голодные желудки безвкусной едой.

Вернувшись в бараки, девушки видят ведра с водой, тряпки и щетки. Им приказано отмыть помещения до блеска. Они по очереди моют пол под надзором охранников.

Оставшуюся часть дня они то сидят, то встают и все время плачут. Вечером их опять отводят в столовую, где выдают картофелину и кусок хлеба.

Оказавшись снова в бараке, одна девушка напоминает им, что сейчас Песах, еврейская Пасха. Но как могут они здесь исполнять пасхальные ритуалы? Девушка указывает на светловолосую девушку-подростка, сидящую отдельно.

– Ее отец – наш раввин. Она должна знать порядок богослужения.

Все взоры обращаются к светловолосой девушке, которая кивает и открывает свой чемоданчик, доставая оттуда Пасхальную Агаду. Вскоре все окружают девушку, вознося молитвы и погрузившись в тяжелую печаль.

На следующее утро, снова без завтрака, девушек выводят из лагеря и доставляют на железнодорожную станцию. И снова их сопровождают охранники из Глинковой гвардии с хлыстами.

У платформы ждет готовый к отправлению состав. Но девушек ведут к вагонам для перевозки скота в конце состава.

– Залезайте! – снова и снова орут охранники.

Однако девушки не двигаются. Циби чувствует себя животным, оцепеневшим от света автомобильных фар. Неужели они должны залезть в вагон, предназначенный для скота?

– Циби, что происходит? – кричит Ливи.

– Не знаю, но... эти вагоны, они же для животных.

Но глинковцы не намерены шутить. Щелкая хлыстами, они с их помощью загоняют девушек в вагоны, двери которых находятся высоко над землей. Проклятия, крики, побои продолжаются, забыта всякая благопристойность. Девушки с трудом вскарабкиваются в вагоны, протягивая друг другу руки и помогая забраться внутрь.

Циби подталкивает Ливи в руки девушки, которая затаскивает ее в вагон. Вонь от коровьего навоза смешивается с ощутимым запахом людского страха.

Девушки забиваются в теплушки, где можно только стоять. Тяжелые двери запираются на засовы, и свет проникает внутрь лишь через щели в деревянных стенах.

Теперь плачут практически все. Стоящие у стен отчаянно кричат, колотят кулаками в доски, требуя освободить их.

Циби и Ливи попали в кошмар наяву. Никуда не деться от близости чужих тел, от плача, ужасной жажды и мучительного голода. Поезд часто останавливается, иногда стоит недолго, иногда довольно долго, однако двери остаются закрытыми. Циби отрывает все больше полосок от своей нижней юбки, чтобы поменять Ливи повязку, пока не остается лишь пояс.

Наконец двери со скрипом открываются. Солнце уже ушло за горизонт, но даже этот неяркий свет заставляет глаза сощуриться. Сердце Циби едва не выпрыгивает из груди, когда она замечает нацистскую форму. Это эсэсовцы. Лишь однажды она видела их в дедушкиной газете, но эти темно-серые кители, свастика и ярко-красная полоска на рукаве – ошибиться невозможно. Они встают на платформе в шеренгу лицом к вагонам, держа в одной руке винтовку, а в другой – поводок с крупной лающей собакой.

Девушки начинают выпрыгивать из вагонов, и собаки рвутся с поводка и огрызаются на них. Двух девушек в момент приземления собаки кусают.

– Быстрее, быстрее! – покрикивают немцы, подгоняя тех, кто замешкался, прикладами винтовок.

Циби и Ливи проворно выпрыгивают из вагона и встают с одной стороны. Они прибыли, очевидно, в другой лагерь. Здания и улицы за воротами освещаются прожекторами. Сестры смотрят на вывеску над воротами, на которой написано: «ARBEIT MACHT FREI». Циби достаточно знает немецкий, чтобы перевести надпись. *Труд освобождает.*

Но потом Циби и Ливи столбенеют при виде бритоголовых мужчин с впалыми щеками, толпящихся у вагонов. Одетые в рубашки и штаны в бело-голубую полоску, они, словно полчища крыс, убегающих с тонущего корабля, лезут в вагоны и начинают выбрасывать чемоданы девушек на платформу.

Циби и Ливи с отвращением смотрят, как один мужчина поднимает пустую консервную банку из-под сардин, запускает в нее палец и затем облизывает его, а потом подносит жестянку к губам, вылизывая остатки масла. Он поднимает глаза и замечает сестер, но продолжает без смущения вылизывать банку.

Колонна девушек идет к воротам.

– Послушай меня, Ливи, – горячо шепчет Циби. – Мы станем грызть камни, гвозди и все, что попадется под руку, но мы должны здесь выжить. Понимаешь?

Потрясенная Ливи, ничего не говоря, лишь кивает.

Часть вторая. Врата ада

Глава 7

Освенцим

Апрель 1942 года

– Просто иди, Ливи. Оставайся в строю, – вполголоса говорит Циби сестре.

Девушки проходят в ворота, и их ведут по обсаженной деревьями дороге. Молодая весенняя листва колыхается под свежим ветерком. Висящий над воротами яркий прожектор излучает тепло, и по иронии судьбы это напоминает Циби о теплом летнем вечере. Они проходят мимо серого бетонного здания, ловя на себе равнодушные взгляды молодых мужчин и женщин, глядящих на них из окон. Циби вздрагивает – это могли быть мальчики из ешивы, бритоголовые юнцы, изучающие Тору. Но она не может позволить себе думать о доме, о друзьях. Нужно быть настороже. По обеим сторонам улиц, по которым ведут девушек, стоят бараки из красного кирпича. Перед каждым зданием высокие деревья и цветы на клумбах создают впечатление гостеприимного дома.

Наконец девушек заводят в двухэтажное кирпичное здание, где они оказываются лицом к лицу с другими пленниками. Это просторное помещение с высокими потолками, но, несмотря на его размеры, в нем все равно не могут разместиться сотни обитателей. Их по меньшей мере тысяча, думает Циби. Разбросанная на полу солома напоминает ей о конюшне или коровнике, где должны спать животные, но не девушки. Запах навоза усиливает впечатление о том, что это помещение для скота.

– Нас разместили вместе с парнями! – в недоумении шепчет Циби.

Но она замечает здесь и девушек... Неужели сестры тоже станут такими? Изможденными, с широко раскрытыми пустыми глазами, в которых сквозит отчаяние?

Парни одеты в униформу. Циби полагает, это форма русских солдат: поношенные штаны цвета хаки и гимнастерки на пуговицах, красные звездочки с желтой окаемкой, серп и молот. Циби кажется, они с жалостью смотрят на новеньких, поскольку, вероятно, отлично знают, что их ждет. Или, возможно, просто не хотят делиться с ними своим ограниченным пространством.

– Циби, я думаю, это девушки. – Ливи не в силах оторвать взгляд от истощенных существ, которые продолжают молча смотреть на них.

– Добро пожаловать в Освенцим. – Какой-то мальчик делает шаг вперед. – Сейчас вы в Польше, если вам еще не сказали. Вот здесь мы живем. – Он указывает рукой на тюфяки с соломой, разбросанные по полу.

Неужели и они будут спать на этом? – думает Циби.

– А что сейчас будет? – спрашивает испуганный голос.

– Будете спать вместе с блохами, – откликается другой голос.

– Но мы ничего не ели, – вновь раздается первый испуганный, усталый голос.

– Вы опоздали. Завтра поедите. Предупреждаю: вам побреют голову, как нам, и сбреют у вас *все* волосы, а потом дадут такую же униформу. А затем на работу. Сопrotивляться нельзя. Иначе накажут, как наказывают и нас.

Паренек понижает голос до шепота. Циби замечает его глаза: красивые глаза на худом мальчишеском лице. Ливи права: эти мальчики на самом деле девочки.

– Эсэсовцы повсюду, – заговорщицки говорит девочка, – но опасаться нужно капо, которые следят за нами. Иногда они хуже эсэсовцев. Они заключенные, как и мы, но им нельзя доверять – они сделали свой выбор.

Заключенные. Это слово ошарашивает Циби. Они теперь в тюрьме и останутся здесь, пока немцы не решат уйти. Пытаясь скрыть страх, Циби берется за дело и передвигает комковатый тюфяк на середину темной комнаты.

– Давай. – Взяв Ливи за руку, она осторожно тянет ее на так называемую постель.

Они лежат полностью одетые, не снимая пальто, и солома сквозь грубую мешковину покалывает им руки и голову. Циби жалеет, что они лишились своих чемоданов. Может быть, завтра им вернут их.

Одна за другой девушки находят себе место и укладываются на ночь, но тюфяков на всех не хватает, и некоторым приходится ложиться по две-три вместе, как сардинам в банке.

Ливи плачет, сначала тихо, потом начинает рыдать. Циби обнимает сестру, вытирая рукавом ей слезы:

– Все в порядке, Ливи. Просто ты голодная, мы обе голодные. Завтра мы поедим, настанет день, и нам будет лучше. Не плачь, пожалуйста. Я с тобой.

Но слезы Ливи заразительны, и вскоре весь барак заполняется всхлипываниями и плачем.

Некоторые девушки поднимаются на ноги и, спотыкаясь друг о друга, идут к двери. Раздаются голоса, призывающие их вернуться.

– Попадете в беду! – кричит голос, явно девичий.

– Возвращайтесь в постель! Там, снаружи, хуже, чем здесь! – кричит другой голос.

Рыдания Ливи постепенно затихают, и в бараке наступает тишина, пока не раздастся крик:

– Меня кто-то кусает!

В ответ слышится:

– Это просто блохи. Скоро привыкнете.

По-прежнему темно, когда в четыре часа утра девушек будит капо, покрикивая на них, чтобы вставали.

Жутко холодно. После беспокойного сна Циби и Ливи замерзли, хотят есть и пить. Потирая заспанные глаза, они идут за узницами, успевшими изучить утренний ритуал, и выстраиваются в очередь в умывальню с длинным желобом, над которым висят протекающие краны, и к унитазам без кабинок.

Выходя из барака, Циби и Ливи держатся друг за друга, но тут Циби вскрикивает и, споткнувшись, падает на колени.

– Циби, Циби, что случилось? – спрашивает Ливи.

Циби сбрасывает с себя туфли и носки: на ступнях у нее кишат живые блохи. Циби держит снятые носки в одной руке и в оцепенении смотрит на свои ноги. Девушки рядом с ними перелезают через соломенные тюфяки, чтобы выбраться наружу.

– Циби, не пугай меня! Нам надо идти! – кричит Ливи, дергая сестру за руку; Циби, взглянув на свои носки, отбрасывает их в сторону. – Все в порядке, в порядке. Нужно просто вымыть ноги. Я помогу тебе. Пойдем.

Но Циби отодвигается от Ливи. Это ее проблема, и она не должна раскисать перед сестрой.

Через толпу к ним проталкивается молоденькая бритоголовая девушка и хватает отброшенные носки Циби.

– Они ей пригодятся, – говорит она Ливи. – Я вытряхнула из них блох.

Ливи потрясена тоном девушки, совершенно лишенным эмоций. Но тем не менее это добрый поступок.

Кивнув ей, Ливи берет носки и показывает их Циби:

– Блох больше нет. Пожалуйста, надень носки.

Циби ничего не отвечает, но не противится, когда Ливи натягивает ей носки, а потом застегивает туфли.

Циби и Ливи вслед за другими выходят из барака. На улице их отделяют от старожилов и ведут в другой барак. При свете дня улицы и здания уже не выглядят привлекательными. Сейчас вдоль тротуаров выстроились эсэсовцы с винтовками за плечами и пистолетами в кобуре на бедре. Из бараков, подобных тому, где Циби и Ливи провели минувшую ночь, высыпают заключенные. Девушки проходят мимо группы мужчин, бредущих в том же направлении, – искоса брошенные взгляды, но никто не смотрит в глаза.

В конечном итоге девушек приводят в комнату без окон, где приказывают раздеться. Циби на один миг испытывает облегчение оттого, что их не предупредили о предстоящем, что Ливи хотя бы на несколько часов была избавлена от осознания реальности, скрытой за пустыми глазами безволосых узниц.

Некоторые сопротивляются, однако надзиратели и не думают бить их. Циби, Ливи, как и другие девушки, пытаются прикрыть наготу руками. У них в ушах звучит хохот мужчин, выкрикивающих непристойности в адрес обнаженных девушек.

– Ваши украшения! Девочки, не забудьте об этих хорошеньких бриллиантах у вас в ушах! Нам они все нужны! – со смехом выкрикивает их капо, высокая женщина с короткими черными вьющимися волосами, у которой не хватает одного переднего зуба.

Циби дотрагивается до одного уха, потом до другого. Маленькие золотые серьги с крошечными красными камешками ей вставила в уши бабушка в тот день, когда она родилась. Бабушка тогда принимала роды. Теперь впервые Циби снимет эти серьги. Она лихорадочно пытается нащупать застежку и со все возрастающим ужасом смотрит, как капо вырывает серьги из ушей девушек. Из мочек брызжет кровь, а комнату наполняют истеричные вопли. Циби лишь надеется, что Ливи, находящаяся где-то в этом адском помещении, сумела снять свои. Циби видит стоящую перед собой капо с протянутой рукой, чтобы отнять этот бесценный знак бабушкиной любви, и на миг вспоминает о Магде, благодаря Бога, что сестра сейчас за много миль отсюда.

Девушек одну за другой вызывают на середину комнаты для осмотра эсэсовцами, которые пожирают глазами тела молодых женщин, выставленных перед ними напоказ. Циби вспоминает слова деда, повторяемые им не один раз: «Тебя спасет юмор. Смейся, а если не можешь смеяться, улыбайся».

Подняв голову к надзирателям, она растягивает губы в улыбке. У нее замирает сердце. Когда ее вызывают, она медленно подходит к мужчине, одетому в полосатые штаны и рубашку. Это цирюльник. Он отстригает ее каштановые волосы, и она смотрит, как они падают волнами к ее ногам, образуя холмик. Потом, включив машинку для стрижки, он проводит ей по голове Циби, оставляя на некогда гордой голове лишь щетину. Он еще не закончил и, к ее стыду, опускается на колено. Разведя ей ноги, он подводит машинку к ее промежности и сбрасывает лобковые волосы. Она старается не думать, что маленькая Ливи испытывает такое же унижение. Избегая ее взгляда, мужчина кивает Циби, что она может идти.

Затем их переводят в другое помещение.

– Все в баню! – кричит другая капо.

В этом помещении стоят большие железные чаны с грязной водой. По поверхности плавают клочья остриженных волос. Циби забирается в ближайший чан. Это не похоже ни на какую баню. Циби мысленно уносится из этого места домой, к Магде и деду, ко всему, что ей дорого. Если она сможет думать о них, может быть, здесь будет не так ужасно.

– Эта вода грязнее нас самих, – говорит одна девушка, вылезая из чана. – И такая холодная.

Ледяная вода выводит Циби из транса. Ее тело окоченело от холода, а голова и сердце оцепенели.

Выбравшись и облившись водой, Циби надевает одежду, которую ей швырнули. Это такая же форма русских пленных, в которую одеты другие узницы. Циби чувствует, как грубая ткань гимнастерки натирает нежную кожу. Галифе готовы при каждом шаге соскользнуть вниз.

Грубая одежда прилипает к влажному телу, не согревая. Капо швыряет ей в руки клочок бумаги. Она читает нацарапанные на нем цифры: 4560.

Вернувшись в строй к другим вымытым и побритым заключенным, Циби не сопротивляется, когда ее вызывают. В передней части комнаты, где ее только что обрили, за столом сидит мужчина в одежде в голубую и белую полоску. Он протягивает руку за ее клочком бумаги и велит ей сесть.

На ее руке выбивают цифры, написанные на грязно-белом клочке бумаги.

Боль сильная, ужасная, но Циби не показывает виду. Этот человек не увидит ее мучений.

Вновь оказавшись на улице, Циби примыкает к сотням девушек, которые, как и она, мучительно ищут знакомое лицо, но не находят. В одинаковой одежде и с бритой головой они почти неразличимы.

А потом Циби слышит свое имя. Она не двигается, когда к ней подбегает Ливи, обнимает и, отстранившись от нее, пристально смотрит на старшую сестру. Проводит рукой по бритой голове Циби:

– Что они с тобой сделали? Циби, у тебя не осталось волос.

Глядя на бритую голову сестры, Циби не отвечает. Ливи сжимает свою руку и морщится, по ее розовым щекам от боли струятся слезы. Боль от татуировки Циби не менее мучительна – она чувствует, как кровь сбегает в сгиб локтя, и думает об инфекции. Обняв Ливи за плечи, она ведет сестру к барaku с тюфяками, полными блох. Лишь вместе устроившись на тюфяке, сестры рассматривают свои руки.

– Твой номер только на единицу больше моего, – говорит Ливи.

Она стирает засохшую кровь, чтобы Циби смогла разглядеть выбитые цифры: 4559.

Когда все девушки из Вранова возвращаются в барак, входит их капо в сопровождении четырех истощенных мужчин, с трудом несущих два котла, ящик с маленькими металлическими кружками и ящик с хлебом.

– Встаньте в две очереди и подходите за едой. Сегодня вы не работаете, поэтому получите только полкружки супа и кусок хлеба. Тот, кто будет толкаться или жаловаться, не получит ничего! – орет капо.

Получив свои порции и усевшись на тюфяк, сестры сравнивают содержимое «супа» в своих кружках.

– У меня есть кусок картошки, – говорит Циби. – А у тебя?

Ливи перемешивает жидкую коричневатую похлебку, качая головой. Циби достает картошку и откусывает маленький кусочек, а остальное опускает в кружку Ливи. Оставшееся до отбоя время они занимаются тем, что ищут блох друг у друга на шее и в ушах. Старожилы возвращаются уже в темноте. По дороге к своим тюфякам они улыбаются новеньким, сочувственно качая головой.

Снова четыре часа утра, побудка. В бараке раздаются крики: «Raus! Raus!»³, сопровождаемые стуком дубинки по стенам. После посещения умывальни, где они стараются смыть с себя как можно больше блох и клопов, Циби и Ливи получают свой первый завтрак в Освенциме: порцию хлеба размером с их ладонь и чашку тепловатого пойла, называемого кофе, но не имеющего ничего общего с любым кофе, который они пробовали раньше.

– Суп и хлеб на обед, кофе с хлебом на завтрак, – бормочет Ливи, с трудом проглатывая так называемый кофе.

---

³ Вон! Вон! (нем.)

– Помни то, что я говорила тебе, когда мы приехали: мы станем грызть камни и гвозди, что бы нам ни дали, – откликается Циби.

– Надо было сберечь липовый чай, – говорит Ливи, словно у них был выбор, словно они могли тогда попросить надзирателей немного подождать, чтобы забрать драгоценный чай из своих чемоданов, которые остались в вагоне для перевозки скота.

На улице налетевшая снежная поземка пытается укрыть дорогу, на которой стоят девушки шеренгами по пять. Ливи и Циби дрожат, у них стучат зубы.

Желая успокоить Ливи, Циби дотрагивается до ее руки и, почувствовав прикосновение мягкой ткани, осторожно разжимает пальцы Ливи.

– Ливи, как ты это сохранила? – шепчет Циби.

– Что сохранила? – Ливи держит маленький мешочек со священной монетой, который мать зашила в жилетки девочек в день их отъезда. – Откуда это? – спрашивает она, не замечая того, что монета у нее в руке.

– Это ты мне скажи. Как тебе удалось сберечь ее?

– Я... я не знаю. – Ливи не отрывает глаз от монеты. – Я не знала, что она у меня есть.

– Послушай меня. – Циби говорит резким голосом, и Ливи вздрагивает. – Когда мы пойдем, ты должна уронить ее. Просто выпусти из руки. Нельзя, чтобы нас с ней поймали.

– Но ее дала мне мама, чтобы оберегать нас. Монету благословил раввин.

– Эта монета не сможет нас оберегать, из-за нее мы попадем в беду. Ты сделаешь, как я прошу? – настаивает Циби; Ливи опускает руки и кивает. – Теперь держи меня за руку и, когда я отпущу твою руку, выбрось монету.

Девушки два часа стоят в строю, пока выкликают их номера. До Циби доходит, что это те номера, которые выбиты на их распухших руках. Чтобы запомнить свой номер, она поднимает рукав и велит Ливи сделать то же самое. Теперь это их удостоверение личности.

Наконец вызывают их номера. После того как им разъяснили, что они будут делать, сестер ведут за ворота, мимо станции в сторону города Освенцима. За пределами лагеря их окружают пустые поля. В отдалении виден дымок, поднимающийся над небольшими фермами, и слышится ржание неразличимых лошадей. По обочине вышагивают эсэсовцы, некоторые с собаками, которые лают и рвутся с поводка.

Циби замедляет шаг, и сестер догоняют идущие сзади девушки. Оглянувшись по сторонам и убедившись в отсутствии охраны поблизости, Циби осторожно отпускает руку Ливи и слышит тихий звук от удара мешочка о рыхлую землю. Тогда она вновь берет Ливи за руку, слегка сжав ее, как бы посылая сообщение о том, что они поступили правильно.

Они идут по улице, на которой стоят дома без крыш, некоторые без стен. Вдоль пустой дороги тянутся груды камней. Одни старожилы подходят к руинам, другие взбираются на крыши и начинают сбрасывать кирпичи и черепицу. Стоящие на земле стараются уклониться от падающих предметов, но не всегда успешно.

– Вы двое! – Капо пристально смотрит на Циби и Ливи. – Идите сюда! – командует капо, и девушки спешат к ней. – Видите это? – Она указывает на четырехколесную тележку, которая стоит в ста метрах от них и в которую впряжены две девушки. Как лошади, думает Ливи. – Они покажут вам, что делать.

Сестры поспешно идут туда, снова встречаясь с пустыми глазами узниц, пробывших здесь гораздо дольше их.

– Вставайте сзади, – говорит одна девушка.

Ливи и Циби подходят к задней части тележки и ждут дальнейших указаний.

Девушки начинают тянуть тележку к недавно разрушенному дому, около которого длинными рядами сложены кирпичи, а рядом с ними стоят несколько девушек. Ливи и Циби толкают тележку.

Когда они добираются до кирпичей, девушки принимаются грузить кирпичи в тележку.

– Не стойте без дела, помогайте им!

Подтолкнув локтем Ливи, Циби начинает бросать кирпичи в тележку. В этот момент к ним подходит капо.

Ливи бросает кирпич, и при ударе о другой от него откалывается кусочек.

– Сломаешь еще один – и жди последствий! – выкрикивает капо.

Циби с чувством огромного облегчения вспоминает о Магде. Их сестра избежала этой муки. Циби так жаль Ливи – на вид она гораздо моложе остальных девушек. Она храбрая, но еще такая маленькая. Как она вообще справится с этой работой?

Глава 8

Вранов-над-Топлёу, Словакия

Апрель 1942 года

Хая сидит у окна в той же самой позе, в какой сидела Ливи несколько дней назад.

– Хая, мы услышим, когда она придет домой. Пожалуйста, отойди от окна. – Ицхак ласково дотрагивается до плеча дочери, чувствуя, как у нее напрягаются мышцы.

Хая не опускает шторы – она не пропустит приход Магды.

– Отец, я не знаю, как мы расскажем ей о девочках. – Хая устремляет взгляд на улицу.

Ицхак вздыхает. Его волнует то же самое.

– Заварю липового чая, – говорит он в ответ, и Хая кивает.

Она прижимается лицом к окну, и ее слезы скользят по стеклу, пока она бормочет молитвы, цепляясь за свою веру. Ей необходимо верить, что эти сильные слова дойдут до Циби и Ливи независимо от того, как далеко они находятся, что девочки услышат эти слова и узнают, что она жаждет их благополучного возвращения.

Повернувшись, чтобы взять у Ицхака чашку с дымящимся чаем, Хая не видит подъезжающей машины доктора Кисели. Магда выскакивает из машины, даже не дождавшись полной остановки, и бежит по тропинке.

Когда Магда врывается в дверь, Ицхак быстро берет чашку из рук Хаи, пока та не уронила ее. Потом отходит в сторону, а мать и дочь бросаются друг другу в объятия.

На пороге появляется доктор Кисели и ставит на пол небольшую сумку с вещами Магды. Ицхак и доктор обмениваются рукопожатиями. Доктор Кисели озирается по сторонам, понимая, что Циби и Ливи здесь больше нет.

– Как Магда? – наконец спрашивает Ицхак. – Она выздоровела?

– Она здорова и чувствует себя хорошо. – Губы доктора растягиваются в улыбке, но глаза не улыбаются.

– Хая, пора сказать Магде. – Ицхак поворачивается к дочери и внучке, не разжимающим объятий.

– Что сказать? – Магда отстраняется от матери. – Где Циби и Ливи?

– Иди сюда и сядь, милая моя, – произносит Хая дрожащим от слез голосом.

– Я не хочу садиться. – Магда смотрит на деда. – Ты знаешь, где они?

Ицхак не отвечает. Доктор Кисели откашливается:

– Мне пора идти, но, если ты почувствуешь недомогание или поднимется температура, я немедленно приеду.

Ицхак снова пожимает руку доктору Кисели и благодарит его. Он смотрит, как доктор идет к машине, потом закрывает дверь и, повернувшись, встречается взглядом с испуганными глазами Хаи и Магды.

– Пожалуйста, сядь, Магда. Так будет легче.

Женщины садятся на диван, а Ицхак устраивается на единственном удобном стуле. Магда с силой сжимает руку Хаи, и Хая не противится этой боли.

– Магда, твоих сестер увезли работать на немцев. Мы не знаем, где они, но они были не одни. В тот день забрали многих наших девушек.

– Увезли работать на немцев? – Магда в ужасе. Разве доктор Кисели не говорил ей, что ее сестры в безопасности? Разве не говорил, что Ливи слишком молода, а Циби не живет дома? – Не может быть!

– Хотелось бы мне, чтобы это не было правдой, – произносит ее дед.

– Но когда?

– Два дня назад. Их всех увезли два дня назад.

– В *Шаббат*? – Магда медленно осознает тот факт, что сестер дома нет, что Циби сейчас не в лагере «Хахшары», а Ливи не в саду; Ицхак кивает. – Зачем они это сделали? Почему поехали работать на немцев?

– У них не было выбора, сокровище мое. В списках глинковцев было только имя Ливи, и Циби поехала, чтобы позаботиться о ней.

– На какое время?

– Мы не знаем, – вздыхая, отвечает Ицхак. – Надеемся, не очень надолго. Говорят, они будут работать на немецких фермах. Могут побыть там все лето.

Магда поворачивается к матери:

– Мама, зачем ты их отпустила?

Хая, пряча лицо в ладони, разражается рыданиями. Магда обнимает ее за плечи, привлекает к себе.

– Магда, твоя мама не могла помешать им забрать девочек. Никто не мог. – Голос Ицхака прерывается, и он достает из кармана большой носовой платок, чтобы смахнуть слезы.

Вдруг Магда отпускает мать, встает и заявляет:

– Нам надо выяснить, где они, чтобы я смогла присоединиться к ним.

Хая ловит ртом воздух.

– Мы пообещали твоим сестрам, что позаботимся о твоей безопасности. Здесь, дома.

Магда с вызовом смотрит на мать, с губ ее срываются резкие слова.

– Мы тоже дали обещание. Мама, разве ты не помнишь? – Она поворачивается к Ицхаку. – Вы оба позабыли о нашем договоре быть вместе?

– Где быть вместе? – спрашивает Ицхак. – Мы не имеем представления, где они сейчас.

– Нам сможет помочь дядя Айван. Он ведь по-прежнему во Вранове, да? – От смущения Магда краснеет, но полна решимости.

– Конечно, – медленно кивает Хая.

– Я сейчас же хочу увидеться с дядей, – настаивает Магда. – Он знает людей. У него много знакомых. Он может нам помочь.

А вдруг он слышал что-то важное, думает она.

Магда не отрываясь смотрит на заднюю дверь, через которую можно пройти к дому по ту сторону переулка, где живут ее дядя с тетей и трое их маленьких детей.

– Мы уже говорили с Айваном, и он пообещал сделать все от него зависящее, чтобы мы были в безопасности в своем доме. Это все, что он может сделать, – твердо говорит Ицхак, вновь проводя носовым платком по лицу.

Потрясенная этой ужасной новостью, Магда медленно, неохотно откидывается на спинку дивана, и Хая обнимает ее, стараясь по-матерински успокоить несчастную девочку.

Глава 9

Освенцим

Весна 1942 года

Капо поднимает разбитый кирпич и машет им перед лицом Ливи, а потом сует его ей в руки, веля осторожно положить в тележку. Циби смотрит, как кровь из ранки Ливи пачкает кирпич. Когда капо отходит, Ливи пытается обмотать больную руку рубашкой.

Ранка на ладони Ливи не зажила, и Циби пытается оторвать полоску от гимнастерки, но ткань чересчур толстая и прочная.

– Работай левой рукой. Я тебя прикрою.

Во время работы Циби загораживает Ливи от глаз капо.

Когда тележка заполняется кирпичами, капо кивает двум девушкам, работающим в связке с сестрами, а им говорит:

– Вы двое, идите назад. Толкайте!

Сестры слышат, как тяжело дышат девушки, запряженные в тележку. Циби и Ливи толкают тележку сзади, но она не сдвигается с места.

– Толкайте, ленивые сучки! Сильнее!

Циби упирается в тележку плечом и знаком показывает Ливи делать то же самое. Наконец тележка начинает ползти вперед.

Они продвигаются медленно, поскольку дорога замусорена битым кирпичом и черепицей, кусками древесины – искореженными остатками того, что когда-то было человеческими жилищами.

Несмотря на холодный воздух и сильный ветер, с девушек градом льется пот. Циби не помнит, чтобы когда-нибудь выполняла такую тяжелую работу, даже в лагере «Хахшары». Она искоса смотрит на Ливи: сестре очень тяжело с одной здоровой рукой. Тележка движется по разбитой дороге мимо полей, на некоторых из них из мерзлой земли взошли ростки картофеля. Девушки подходят к пустому полю, где их поджидают мужчины. Здесь уже высятся штабеля привезенных кирпичей. Один мужчина говорит, куда поставить тележку, а потом с напарником помогает девушкам разгрузить кирпичи и уложить их в штабеля.

С пустой тележкой они возвращаются быстрее. Вся процедура повторяется вновь, после чего капо объявляет перерыв. Они садятся, прислонясь спиной к тележке, и Циби проверяет рану на руке Ливи.

– Ливи, надо, чтобы кто-нибудь осмотрел твою руку. Когда мы вернемся, я спрошу, есть ли здесь врач или медсестра, – шепчет Циби.

– Мне нужна также чистая рубашка, – с дрожью в голосе говорит Ливи. – Эта испачкана кровью.

– Мы можем постирать твою гимнастерку. Пошли работать.

– Но нам еще не сказали. Разве нельзя еще немного отдохнуть?

– Можно, но я хочу, чтобы капо отметила это и меньше к нам придиралась. Пошли, ты сможешь.

К концу дня девушки сделали четыре ходки с тележками. Циби вздрагивает, вспоминая эпизоды начала дня, когда несколько девушек были травмированы упавшими с руин кирпичами и черепицей. Им приходится опасаться тумачков и затрешин, которые капо раздает направо и налево тем, кто, по ее мнению, уваливает от работы. На пределе сил сестры добредают до своего барака, получив ожидающий их скудный обед.

Проглотив хлеб и суп, Циби подходит к капо, таща за собой Ливи, и показывает травмированную руку сестры:

– Капо, можно ли моей сестре получить где-нибудь первую помощь? По дороге сюда она порезала руку, и у нее идет кровь. Чтобы она могла работать, надо перевязать руку.

Высокая женщина вскользь смотрит на протянутую к ней руку.

– Медчасть в следующем бараке. Может быть, они посмотрят, а может быть, и нет, – с ухмылкой говорит она, указывая в сторону лагерных ворот.

Циби и Ливи успевают сделать пару шагов, когда капо кричит им вдогонку:

– Иди одна! Нет нужды, чтобы старшая сестра держала тебя за руку. – Она ухмыляется собственной шутке. – И не называй меня «капо» – меня зовут Ингрид. – Она улыбается щербатым ртом, и Циби вдруг становится не по себе.

– Все будет в порядке. – Циби подталкивает сестру. – Я займу нам место для сна.

Лагерь вновь залит светом прожекторов. Солнце село. Закончился первый полный рабочий день в Освенциме.

В ожидании сестры Циби устраивается у стены. Немного погодя, пока она пытается разгладить комковатый тюфяк, в дверь врывается Ливи, зовя ее по имени.

В бараке сейчас по меньшей мере тысяча девушек: кто-то спит, кто-то еще бодрствует, некоторые тихо разговаривают. Циби встает и машет рукой, и Ливи, заметив ее, направляется к ней, огибая тюфяки.

Циби замечает на лице Ливи следы слез – полосы розовой кожи на фоне кирпичной пыли, покрывающей ее тонкое нежное лицо.

– Что случилось? Ты в порядке? – спрашивает Циби, когда Ливи падает в ее объятия, усаживает сестру на тюфяк и хватает ее забинтованную руку; похоже, ранку обработали. – Что случилось?

Ливи продолжает рыдать и наконец выдавливает из себя:

– Почему ты мне не сказала?

– Что не сказала? Что произошло?

– Я пошла в больницу.

– И что-то случилось?

– Я увидела. – Ливи перестает плакать; ее глаза округлились от страха.

– Что увидела? – вся похолодев, спрашивает Циби.

– Там висело зеркало. Почему ты не сказала мне о том, что со мной сделали?

Циби берет лицо Ливи в свои ладони и впервые за много дней улыбается:

– И это все? Ты увидела свое отражение в зеркале?

– Мои волосы... – Ливи проводит рукой по голове и сразу с отвращением отдергивает руку. – Они остригли мои локоны. – Она смотрит мимо Циби, в глубину барака, на сотни бритых голов; у нее остекленевший, мутный взгляд. Циби готова ударить сестру, вывести ее из шока, но вскоре Ливи обращает на сестру свои широко открытые голубые глаза. – Они остригли мои волосы, – шепчет она, а ее руки вновь тянутся к голове, глаза наполняются слезами.

– Но, Ливи, что они, по-твоему, делали той машинкой?

– Я... я не хотела об этом думать. Пока это происходило, я воображала себе, что мама возится с моими волосами. Ты же знаешь, как она любит причесывать мои кудряшки. – Когда до Ливи доходит, она замолкает. Ее бьет дрожь.

Циби начинает понимать: некоторые вещи настолько ужасны, что их не принимаешь. Может быть, это и хорошо. Кто знает, что еще им предстоит вынести? Может быть, ей тоже придется воспитать в себе это умение.

– Ливи, я твое зеркало. – Циби машет рукой вокруг. – С этого момента мы все – твое зеркало.

Кивнув, Ливи закрывает глаза.

– Давай ляжем, ладно? – Циби нечего предложить сестре, помимо сонного забытья.

– Но блохи... – Ливи распаивает глаза.

- Как и мы, они тоже голодные. Нам надо просто научиться не замечать их.
- Но вчера ты...
- Вчера было сто лет назад.

На следующий день они снова идут на место сноса зданий. Перед началом работы Ингрид спрашивает у девушек, кто из них умеет читать и писать. Никто не отвечает. Для Циби уже стало очевидным, что неприметность – единственный способ избежать ее жестокого внимания. Капо впадает в ярость. Она все громче и громче повторяет вопрос. Она не отступает. Отдавая себе отчет в присутствии поблизости эсэсовцев, Циби все же решается подать голос в надежде, что они с сестрой, возможно, получают какие-то преимущества. Если она выйдет вперед, возможно, им не придется работать на месте сноса зданий.

- Я умею читать и писать, – говорит Циби.
- Кто это сказал? – спрашивает Ингрид.

Циби смело делает шаг вперед из строя, глядя прямо перед собой. Ингрид не полька, как другие капо, она немка. Интересно, размышляет Циби, она преступница или политзаключенная – всего несколько причин, по которым гражданин Германии мог оказаться в Польше, в Освенциме. Циби рада, что они с Ливи понимают и даже немного говорят по-немецки.

Ингрид рывком протягивает Циби планшет и карандаш:

- Запиши фамилии и номера всех. И побыстрее!

Взяв планшет, Циби подходит к девушкам в первом ряду и принимается записывать их фамилии. Девушки поднимают рукава, показывая выбитые на руках номера, и Циби заносит их на лист бумаги. Она проворно ходит вдоль рядов девушек и, закончив, вручает планшет Ингрид.

- Все правильно? – спрашивает Ингрид.
- Да, Ингрид.

– Посмотрим. – Капо переворачивает страницу. Водя пальцем сверху вниз, она выкрикивает: – Заключенная тысяча семьсот сорок два, как твоя фамилия?

Девушка с номером 1742 называет свою фамилию. Правильно. Ингрид называет другие номера, получает ответы.

Циби все еще стоит рядом с ней, и Ингрид машет одному из эсэсовцев. Он неторопливым шагом подходит к ним, постукивая стеком по своей ноге. Ингрид протягивает ему список.

- Где ты научилась так красиво писать? – спрашивает он у Циби.

С бравадой, более уместной для жизни в лагере «Хахшары», Циби смотрит на охранника и отвечает:

- Я выросла не в лесу, я ходила в школу.

Бросив взгляд на Ингрид, она замечает, что капо отвернулась, чтобы спрятать улыбку, которая может навредить ей не меньше, чем Циби.

Охранник хмыкает.

- Пусть она ведет твои записи, – говорит он капо, перед тем как уйти.

– Ну-ну, – положив руку на плечо Циби, произносит Ингрид. – Ты старательная и аккуратная. Но если не будешь остерегаться, язык доведет тебя до беды. Ты мне больше годишься живая, чем мертвая, так что перестань дерзить охранникам. Поняла?

Циби кивает. Ей неприятно прикосновение руки Ингрид, но разве не этого она хотела? Заискивать перед теми, кто может навредить ей с сестрой?

– Каждый день будешь записывать новых заключенных и вычеркивать отсутствующих. Ясно?

- Да, Ингрид. Я смогу. С удовольствием займусь этим, – отвечает Циби.

– А теперь все за работу! – рывкает Ингрид, а когда Циби поворачивается, чтобы присоединиться к Ливи и другим девушкам в ее команде, добавляет: – Продолжай работать на тележке.

Ливи подходит к старшей сестре, дрожа от холода и ужаса. Чем обернется для них контакт Циби с капо и эсэсовцем?

– Кто это? – спрашивает Ингрид.

Ясно, что она не запомнила Ливи с прошлого вечера.

– Моя младшая сестра. – Циби дотрагивается до забинтованной руки Ливи.

– Похоже, ты замерзла, – обращается Ингрид к Ливи.

Ливи кивает, у нее стучат зубы. Несомненно, Ливи выглядит моложе любой другой девушки, работающей здесь. Она едва достает Циби до плеча, и, хотя пока не так истощена, как другие, тюремная униформа висит на ее худом теле. Циби замечает в глазах Ингрид проблеск сочувствия.

На следующий день, когда Циби и Ливи встают в строй во дворе перед выходом на работу, Ингрид опускает тяжелую куртку на плечи Ливи:

– У тебя размер, примерно как у моей сестры. Сколько тебе – одиннадцать, двенадцать?

– Пятнадцать, – шепчет Ливи, боясь посмотреть Ингрид в глаза.

Ингрид резко поворачивается и начинает выводить девушек из Освенцима.

Другие девушки завидуют куртке Ливи, что-то бурчат себе под нос, и Циби начинает опасаться того, что внимание Ингрид выделило их. Может ли на них сказаться протезирование со стороны немецкой капо?

После прихода на место сноса зданий Циби сверяет фамилии девушек и отдает планшет Ингрид, после чего вновь принимается грузить кирпичи в тележку. И они вновь толкают полную тележку в поле, где с благодарностью принимают помощь русских военнопленных в разгрузке. Ничего не сказано по поводу куртки Ливи. Во всяком случае, очевидно, думает Циби, что Ливи работает наравне со всеми, несмотря на больную руку.

С наступлением весны лес за полем покрывается сочной молодой зеленью. Заключенные посадили на опушке леса зерновые в надежде, что хороший урожай увеличит их рацион.

Несмотря на перемены в погоде, дорога остается полосой препятствий: сегодня рытвины, заполненные жидкой грязью, а завтра – россыпи камней с высохшей грязью. Однажды дождливым днем передние колеса тележки застревают в яме. Чтобы вытащить тележку, девушки подкладывают под колеса камни. Ливи толкает тележку сзади, а Циби с другими девушками тянут ее спереди. Когда колеса начинают медленно поворачиваться, Ливи замечает какой-то торчащий из вязкой грязи предмет. Это маленький ножик. С деревянной ручкой, он идеально уместается на ее ладони. Ливи прячет ножик в карман галифе и продолжает толкать тележку.

Позже, уже в темноте, лежа на тюфяке, она достает ножик, чтобы показать Циби.

– Для нас здесь это целое состояние, – горячо говорит она сестре. – Мы можем разрезать им еду на маленькие порции, про запас.

– Знаешь, что они сделают, если найдут его у тебя? – шипит Циби.

– Мне наплевать! – огрызается Ливи. – Я нашла его, и он мой. Ты не разрешила мне сохранить монету, но ножик я не отдам.

Ливи засовывает ножик в карман. Он обязательно пригодится, и Циби возьмет свои слова назад.

Однажды утром неделю спустя, когда охранники барабанят дубинками по стенам барака, Ливи даже не пытается встать. Циби расталкивает ее, щупает лоб сестры.

Ливи горячая и красная, она вся в поту.

– Ливи, прошу тебя, надо вставать, – умоляет Циби.

– Не могу, – не открывая глаз, хрипит Ливи. – Голова болит. И ноги. У меня все болит. Девушка, лежащая на соседнем тюфяке, наклоняется к ним и дотрагивается рукой до головы Ливи, потом засовывает руку ей под рубашку.

– Она вся горячая. Наверное, это тиф, – шепчет она.

– Что? Почему? – Циби в панике.

– Вероятно, укусы блох, а может быть, крыса. Трудно сказать почему.

– Но что мне делать?

– Узнай, позволят ли они отправить ее в больницу. Только там она сможет выжить. Взгляни – от нее ничего не осталось, и она больна. Она не в состоянии работать.

– Побудешь с ней, пока я разыщу Ингрид и попрошу отправить сестру в больницу?

Девушка кивает.

Ингрид хмурится и даже кажется немного обеспокоенной. Она кивает в знак согласия, и Циби мчится к Ливи, поднимает ее на ноги и помогает пройти через комнату. В нужный момент, перед выходом из барака, она не забывает переложить ножик Ливи в свой карман.

На улице девушки встают в строй, а Циби, спотыкаясь, тащит мимо сестру, находящуюся в полубессознательном состоянии. Она вспоминает об отце. Что бы он сказал в тот момент об ответственности старшей сестры? Есть ли ее вина в том, что Ливи заболела тифом?

Циби передает сестру строгой медсестре, которая велит ей немедленно уходить, не обращая внимания на ее протест. У нее нет выбора. Циби возвращается в свою бригаду, и Ингрид приказывает ей работать на крышах с другими девушками: они будут сбрасывать кирпичи и черепицу вниз.

Три дня Циби ходит на работу, не имея новостей о Ливи. Но, по крайней мере, сестра в больнице, а не мучается в поту одна на соломенном тюфяке. Циби поглощена этой новой работой, с нетерпением ожидая перерывов в тяжелом труде. Единственная еда – это обед, когда прибывает телега с пятью баками супа и пятью подавальщицами. Циби уже слышала безумные истории о том, что попадает в этот «суп», и теперь видит это собственными глазами: зубная щетка, деревянный браслет, резинка плавают среди лука и сардин. Бригада в кои-то веки смеется, когда одна девушка выуживает из своей миски с супом расческу и громко комментирует: «У меня тут расческа, жаль, нет волос».

На третий день пребывания Ливи в больнице Циби спускается с крыши, наблюдая за группой девушек, ожидающих своей порции супа. Она заметила кое-что странное в этом обеденном распорядке: большинство девушек смотрят в сторону полной подавальщицы с двумя длинными каштановыми косами. Сама прическа кажется Циби странной, поскольку на вид этой женщине не меньше семидесяти. Спустившись с крыши, Циби подходит к группе девушек. Теперь она тоже смотрит на повариху с косами. Встретившись с ней взглядом, Циби улыбается. Повариха не улыбается в ответ – одному Богу известно, что им здесь никто ни разу не улыбнулся, – но подзывает Циби к себе. Черпак глубоко погружается в бак, не только наливая в миску Циби жидкую безвкусную похлебку, но и подцепив большой кусок мяса. Женщина кивает Циби, переводя взгляд на голодных девушек, раздумывая, кого еще облагодетельствовать своей щедростью.

Циби садится в сторонке и быстро съедает суп. На дне миски остается кусок мяса. Оглядевшись вокруг и убедившись в том, что никто не подсматривает, она берет кусок, досуха облизывает его и засовывает в карман рядом с ножиком Ливи. Вернувшись с работы, она найдет способ попасть в больницу и поделиться мясом с сестрой.

Но, войдя вечером в барак, Циби находит там Ливи. Ливи почти поправилась, ее щеки немного порозовели. Циби прижимает палец к губам и засовывает руку в карман, доставая оттуда кусок мяса. Ливи широко раскрывает глаза. Она разрезает ножиком мясо на тонкие ломтики. Истоки этого пира неясны, но девушкам все равно.

На протяжении следующих трех месяцев число заключенных значительно возрастает. Их сотнями привозят на поездах, они заполняют все здания в Освенциме, занимая место умерших либо от болезней, либо от рук эсэсовцев. До Циби и Ливи доходят слухи о каком-то бункере для убийств, находящемся под землей, куда мужчины, женщины и дети входят живыми, а выносят их оттуда мертвыми. Девушки видели мужчин-заключенных, везущих тележки с трупами. Циби никак не может осознать это, а потому заставляет себя поверить, что они умерли от болезней.

Рука у Ливи зажила, но сестры с каждым днем слабеют. Как и все вокруг, они живут сегодняшним днем, испытывая нечто похожее на удовлетворение, только когда закрывают глаза ночью: они пережили еще один день в команде по сносу зданий. Не один раз им доводилось видеть, что происходит, когда эсэсовец дает волю своей мстительности; расколотый кирпич, упавшая черепица – и следует выстрел. Им приходилось относить убитых девушек в лагерь в конце долгого изнурительного дня.

Мгновения радости в их несчастьях приносит найденный Ливи ножик. С его помощью Циби разрезает хлеб на маленькие порции: некоторые съедаются сразу же, остальные оставляются на потом, что дает возможность распределять еду. Это немного, но у сестер появляется свой секрет, что позволяет хоть чуть-чуть контролировать их лишенную всякого смысла жизнь. Ливи постоянно держит ножик при себе: днем в кармане штанов, ночью под матрасом.

Через несколько недель после приезда Циби и Ливи начинают прибывать парни из Словакии, но их не оставляют в Освенциме. Сестры, однако, знают, где они. Кирпичи, которые девушки продолжают свозить на поле, идут на постройку новых жилых блоков, а через дорогу от этого места построены новые деревянные бараки. В них теперь размещаются словацкие мужчины. Всем понятно, что сооружается новый лагерь.

Циби может общаться с русскими военнопленными, потому что знакома с русинским языком, диалектом украинского языка, на котором говорят в Восточной Словакии. Однако разговоры с мужчинами вполголоса не проясняют ничего нового в их ситуации. Ливи, оставаясь робким, наивным подростком, никогда не участвует в этих разговорах. Циби рада: это место не отняло всего у младшей сестры.

Но однажды мужчины дают Циби некоторые ответы. Эти новые кирпичные здания предназначены для женщин. Женский лагерь.

Биркенау.

Глава 10

Освенцим-Биркенау

Лето 1942 года

К июню сестры привыкают проводить дни в молчании. Они вконец измучены изнурительным физическим трудом и скудным питанием. С приходом лета Циби вынуждена признать, что они могут остаться в этом месте, этом жутком месте, на годы или пока не умрут, как многие другие. Каждый вечер она удивляется, что им удалось прожить еще один день. Даже мысли о родных начинают казаться полузабытым сном, увиденным давным-давно. Циби пытается представить себе, чем занимается Магда, в безопасности ли она, по-прежнему ли за ней охотятся глинковцы. Она внимательно присматривается к Ливи, которая худеет с каждым днем, почти не разговаривает, часто переходит с места на место в каком-то оцепенении. Но Ливи продолжает усердно трудиться, она смелая, ее любят другие заключенные, и Циби гордится сестрой.

Им не делают никаких послаблений: несмотря на изнурительную жару, их эксплуатируют по полной, однако приближение августа сулит более прохладные дни. Циби и Ливи вынесли болезнь, травмы, голод и «отбор».

Когда-то безобидное, теперь это слово символизирует их сильнейший страх. Проходя строем перед эсэсовцами, девушки должны выглядеть здоровыми, без дрожи в руках и лицах, не должны показывать слабость. Не прошедшие это испытание «отбираются» – и их больше не видят.

Жара очень угнетает, повсюду больные, и даже скудная еда часто портится. Но сегодня, пока они стоят на построении у барака, хмуро глядя на другие бараки и тысячи женщин и девушек, задувает легкий ветерок, гоняющий по земле вокруг них сухие листья. Тишина в ожидании переклички осязаема. Циби замечает стоящие в конце дороги грузовики, сегодня что-то изменилось.

По улице ходит женщина в эсэсовской форме, переговариваясь с надзирателями у каждого блока.

– Некоторые из вас сегодня переезжают в другие помещения. – Эсэсовка останавливается рядом с Ингрид, выкрикивая команды девушкам в лицо. – Получите распоряжения по работе и следуйте за своим капо. Если не можете идти пешком, садитесь в грузовики.

Когда эсэсовка уходит к другому барaku, Циби быстро подходит к Ингрид. К этому времени у нее с капо установилась странная дружба, которая медленно, но верно крепнет. В Ливи есть что-то такое, отчего лед в сердце этой женщины начал таять. Циби не допытывается почему – довольно того, что они пользуются ее небольшими послаблениями.

– Что это значит – «другие помещения»?

У Циби вдруг перехватывает дух. Страх пробил даже усталость и туман в голове. Жизнь тяжела, но здесь, в Освенциме, правила им знакомы. Неужели придется начинать все сначала, с новыми охранниками, новым распорядком, новыми мучениями?

– Вы будете жить в Биркенау. Делайте, что вам говорят, но *не* садитесь в грузовик, что бы ни случилось. Идите пешком. Понятно? Вашим новым капо будет Рита. – Ингрид оглядывается по сторонам, нет ли поблизости эсэсовцев, потом понижает голос. – Я попросила ее присматривать за тобой и... и Ливи. – Ингрид поворачивается к Циби спиной и уходит.

Циби понимает, что ничего больше не вытянет из капо, для них обеих риск слишком велик.

Она замечает, с какой тоской Ливи смотрит на грузовики, но тянет сестру за руку, и они вместе выходят из ворот, высоко подняв голову. Циби бросает взгляд на слова, которые она последние пять месяцев видела каждый день, выходя из лагеря и вновь заходя в него: «ARBEIT

MACHT FREI». Какая чепуха, ни один из них не свободен. Они узники, с ними обращаются как с животными, и их жизнь ничего не стоит. Эта «свобода» подразумевает лишь смерть.

Они снова идут по дороге к стройплощадке.

– По-моему, мы вновь встретимся с нашими кирпичами, – говорит Циби, обнимая сестру за плечи.

– Это здания, которые строили русские? Но они не закончены.

– Некоторые закончены. Думаешь, им не все равно, если они недостроены? Для таких, как мы? – Циби сдерживается. Легко было бы наброситься с руганью на порабитителей, показать, что у нее не осталось надежды, но ради Ливи она должна быть сильной. – Может быть, на новом месте нам будет лучше, котенок.

Циби чмокает сестру в щеку, но та продолжает, спотыкаясь, идти по дороге.

Солнце немилосердно печет, пыль с дороги летит им в лицо. Впереди одна из девушек теряет сознание. К ней подходит эсэсовец, достает из кобуры пистолет и стреляет ей в голову.

Не останавливаясь, Циби и Ливи обходят тело девушки. Они научились казаться равнодушными, никогда не показывать потрясение или страх, гнев или ужас. Чтобы выжить, человек должен оставаться невидимым. Привлекая внимание к себе даже по пустякам, можно навлечь на себя мгновенную смерть.

– Надо было ей сесть в грузовик, – шепчет Ливи.

– В грузовике или на дороге, никакой разницы не было бы, – говорит Циби; у Ливи озадаченный вид. – Ты видела хотя бы один проходящий грузовик? Посмотри по сторонам, мы почти на месте, и ни один не проехал. Те девушки не попадут в Биркенау.

Ливи не отвечает. Теперь она поняла.

Они молча продолжают путь. Идущие впереди девушки сворачивают с дороги на территорию нового лагеря, где достроенные кирпичные блоки стоят по соседству с незаконченными. Тут есть три улицы, на каждой в ряд пять блоков. Лагерь окружен проволочным ограждением, поставлены деревянные сторожевые вышки для наблюдения за новыми заключенными. С высоты за девушками, наставив на них винтовки, наблюдают эсэсовцы. Снова чепуха, устало думает Циби. Что может сделать пусть даже тысяча полуголодных доходят с этими людьми?

Они ожидают указаний на широкой площадке.

– Прежде чем войдете в новые жилища, вы должны подновить свои номера. Многие из них стерлись, – кричит им охранница.

Ливи смотрит на номер у себя на руке. Циби делает то же самое. Все девушки вокруг рассматривают свои руки.

– Я вижу свой номер, – говорит Ливи.

– Я вижу большую часть своего, – откликается Циби.

– Встаньте в очередь! – кричит охранник.

Девушки, толкаясь, встают в неровную линию.

– Ливи, это Гита? Впереди нас? – Циби указывает пальцем. – Гита, Гита! – зовет она.

Девушка оборачивается и при виде Циби и Ливи улыбается. Это их школьная подруга.

– Я не знала, что вы здесь, – шепчет Гита. – Сколько вы здесь?

– Несколько месяцев, – отвечает Циби. – А ты?

– То же самое. Жаль, мы не встретились в поезде из Вранова. Мне кажется, я здесь уже целую жизнь, – вздыхает Гита. – Я работаю в прачечной.

– Ну а мы возили кирпичи. – Циби указывает на новые бараки.

– Можешь поблагодарить нас за новое роскошное жилище, – говорит Ливи с озорным огоньком в глазах.

– Правда? – У Гиты ошеломленный вид. – Звучит сурово.

– Мне жаль, что ты здесь, Гита. – Ливи опускает взгляд, озорной огонек исчез. – Жаль, что все мы здесь.

– Отставить разговоры! – вопит надзиратель.

Гита поворачивается лицом к началу очереди, и они продолжают медленно продвигаться вперед.

Ливи и Циби смотрят, как Гита подходит к столу, за которым сидит татуировщик, занимающийся обновлением номеров на руках девушек. У Гиты испуганный вид, она неохотно протягивает руку. У Циби перехватывает дыхание. «Пожалуйста, Гита, – умоляет она подругу. – Пусть он это сделает». Они смотрят, как татуировщик осторожно берет руку Гиты и что-то при этом говорит. Похоже, Гита немного расслабилась.

Когда подходит очередь Циби, татуировщик все еще смотрит вслед уходящей Гите.

Видимо, он человек мягкий. Закончив, он шепотом говорит:

– Прости меня.

Сестры, с рук которых вновь капает кровь, входят в блок 21. Здесь нет деревянного настила и соломенных тюфяков, как в их первом «доме». Пол здесь залит серым бетоном. Обширное душное помещение заставлено ярусами деревянных нар. Одеял нет, и нет матрасов, просто кипы соломы, которую девушкам предстоит собрать и разложить на своих нарах, если они вообще собираются спать.

Циби думает о зиме, до которой осталась пара месяцев, и вздрагивает. По обе стороны от входной двери есть еще две пустые комнаты.

– Но где же умывальня? – спрашивает Ливи.

– Наверное, снаружи, Ливи. Должно быть, мы не заметили ее, но давай не будем сейчас волноваться.

Пока в помещение вводят других девушек, Циби и Ливи находят себе нары, и вскоре к ним присоединяются еще две девушки. Эти нары рассчитаны по меньшей мере на четверых. Они как раз начинают знакомиться, но пугаются звуков дубинки, которой вновь и вновь колотят в дверь.

Девушки затихают, когда в барак входит худощавая женщина. На ее одежде видна эмблема в форме черного треугольника, каким помечают заключенных-уголовников. На рубашке вышита цифра 620. У нее светлые волосы до плеч и вздернутый нос. Циби она кажется почти хорошенькой.

Но когда она широким жестом обводит нары, бетонный пол, кирпичные стены, ее черты искажает садистское удовольствие.

– Добро пожаловать в новый дом, дамы. Я Рита, ваша новая капо. Если вас интересует умывальня... – она для эффекта делает паузу, – забудьте об этом. – Она хохочет, вглядываясь в лица девушек, ни одной не хватая смелости посмотреть ей в глаза. – Если вам потребуется облегчиться, придется прогуляться в конец лагеря и сделать свои дела у забора, под взглядами охранников на вышках. – Ее жуткая улыбка становится шире. – Если выйдете после темноты, вас пристрелят.

Рита медленно проходит по всему барaku, усмехаясь при виде жмущихся друг к другу девушек. Циби шокирована явным удовольствием, которое доставляют Рите их страх и слабость.

– Завтра вам дадут новые рабочие наряды. Предлагаю вам сегодня познакомиться с вашим новым домом. – Повернувшись, она уходит из барака.

Циби удивлена тем, что эта новая капо – подруга Ингрид, и не тешит себя надеждой, что та позаботится о ней с сестрой. Циби собирается поделиться своими мыслями с Ливи, когда к ним подходит Гита.

– А Магда здесь? – спрашивает она, оглядываясь по сторонам.

– Нет, Гита. К счастью, Магда осталась дома с мамой. Когда нас увезли, она была в больнице, – говорит Циби.

– Она здорова?

– У нее был просто грипп, она в порядке. А твои сестры здесь? – спрашивает Ливи.

– Нет, им понадобилась только одна из нас. У Фрэнни двое маленьких детей, а Рахель и Голди, к счастью, слишком молоды.

Три девушки обнимаются, а потом Гита возвращается к своим нарам. Ливи смотрит ей вслед. С одной стороны, она рада, что сестер Гиты в лагере нет, а с другой стороны, ей жаль, что Гита одна. Она берет Циби за руку:

– Я плохая, Циби, если радуюсь, что ты здесь со мной?

Циби тоже смотрит вслед Гите.

– Ливи, я отлично понимаю твои чувства, – сжав пальцы сестры, отвечает она.

Утром на переключке Рита распределяет девушек по группам. Некоторым везет, и их отправляют в прачечную, швейную мастерскую, на сортировку или на почту, но, поскольку эти работы по-прежнему выполняются в Освенциме, девушкам придется совершать ежедневные двухмильные переходы в основной лагерь и обратно.

Рита прохаживается взад-вперед вдоль рядов оставшихся узниц, то и дело хватая кого-то за руку, чтобы прочесть номер. Она подходит к Циби, которая сама протягивает руку капо. Рита переводит взгляд с номера на лицо Циби, потом на стоящую рядом Ливи.

– Это твоя сестра? – спрашивает она у Циби.

– Да, Рита.

Рита наклоняется и шепчет Циби на ухо:

– Ингрид попросила меня присмотреть за вами двумя. Я мало что могу сделать, но она моя подруга, а их здесь не так-то много. Вы будете работать на сортировке, в «Канаде», как называют этот барак. Вас ждет капо.

У Риты голубые глаза, как у Магды, думает Циби. Может, это знак того, что она не такая злая, какой показалась сначала. Рита с силой сжимает запястье Циби, но та даже не вздрагивает.

– Не заставляйте меня пожалеть об этом одолжении для подруги! – шипит она. – А теперь постройтесь. Вы идете обратно в Освенцим.

Циби берет Ливи за руку, и они быстро присоединяются к своей бригаде и шагают в старый лагерь.

В Освенциме Циби и Ливи отводят в «Канаду», барак для сортировки, где, замотав голову белой косынкой, они будут рыться в вещах новых заключенных, точно так же как потрошили недавно их чемоданы в поисках чего-то ценного для нацистов.

Глава 11

Освенцим-Биркенау

Осень 1942 года

Каждое утро и каждый вечер, когда сестры идут в Освенцим, а потом обратно в Биркенау, Циби одолевает страх по поводу приближающейся зимы. Сестры с тоской глядят на лес за Биркенау, замечая сезонные изменения: зеленые листья желтеют, краснеют и начинают опадать. Они вспоминают о чудесном времени, проведенном с их дедом во Вранове. Вскоре после смерти Менахема Ицхак взялся познакомить сестер с лесными тайнами. Девочки узнали, как отличить орляк от других папоротников, росших у подножия деревьев, какие виды грибов можно есть и как не соблазниться привлекательными на вид ядовитыми грибами, каждую осень заполнявшими лес.

– Спорим, мы нашли бы там грибы, – время от времени с тоской говорит Ливи. – Помнишь, Циби? Ты, я и Магда с корзинками, полными ягод и яблок?

Циби редко отвечает, потому что это фантазия, а здесь фантазии опасны. И более того, она не хочет впускать в лагерь мысли о Магде. Образ сестры с матерью дома – единственное, что приносит ей настоящее утешение.

Когда выпадает снег, сестры тайком проносят из сортировочного барака одеяло и пару пальто, но им по-прежнему холодно.

«Канада» – земля изобилия. Работа сестер заключается в том, чтобы искать в конфискованной одежде новых узников тайники с едой, деньгами, ювелирными украшениями – все, что представляет ценность. Под присмотром эсэсовцев девушки проверяют брючные швы, подолы юбок, воротники пальто. Когда что-то обнаруживается, они распарывают швы и достают содержимое тайников. Циби обнаружила рубин, Ливи – бриллиант. Девушки на сортировке сталкиваются с искушением, однако Циби не собирается рисковать жизнью ради драгоценностей, независимо от того, что это им сулит. Однако некоторые девушки идут на риск, особенно сейчас, зимой, когда они отчаянно нуждаются в еде, дополнительной одежде и участии.

После поисков тайников они сортируют одежду по виду: рубашки, пальто, брюки и белье. В бараке тепло, и работа эта менее изнурительная, чем на стройке, чему сестры очень рады.

Возвращаясь по вечерам в Биркенау, Циби время от времени замечает какую-нибудь девушку, прячущую украденную вещь в промерзшей земле под снегом. Потом девушка дожидается возможности передать драгоценности или что-нибудь другое известным «привилегированным» заключенным, которые в свою очередь обменивают их у желающих эсэсовцев на еду.

Время от времени Циби понуждает Ливи натянуть на ноги лишнюю пару носков или замотать шею шарфом: маленькие, незаметные предметы, почти не несущие с собой риска, но немного облегчающие жуткие условия их жизни. Иногда, если получается, Циби приносит лишние предметы одежды в барак для кого-нибудь из девушек.

Некоторые девушки выменивают нижнее белье на хлебный паек, однако ни Циби, ни Ливи не могут заставить себя «продавать» унесенные тайком вещи. От случая к случаю они находят среди вещей еду – черствую горбушку хлеба или полупротухший пирог, – и даже это они охотно отдают, за исключением пары случаев, когда голод пересиливал страх быть пойманными и они запихивали в рот твердое, нескольких недель давности тесто.

– Ливи, Ливи, взгляни на это, – шепчет однажды Циби сестре, которая в этот момент складывает пару носков, добавляя их к кипе перед собой.

Циби раскрывает ладонь под кипой пальто, которые она сортирует.

– Что это такое?

– Это франк, французский франк. Ну до чего красивая монета!

Ливи еще раз смотрит на монету и в сияющие глаза Циби. Сестра уже давно не казалась ей такой довольной.

– Она действительно красивая, Циби, но зачем она тебе нужна?

Циби выходит из оцепенения и сжимает в пальцах монету. Пройдя через комнату, она протягивает монету Рите, потом возвращается на свое место и продолжает ворошить пальто. На несколько мгновений она словно попадает на улицы Парижа, смотрит на сверкающую в лунном свете Сену, восхищается гуляющими парочками, которые улыбаются ей при встрече.

В этот вечер на обратном пути в Биркенау Ливи отстает от других. После того как отдала монетку, Циби не сказала ни слова ни ей, ни кому-то другому. Смеркается, идет снег, и до прожекторов на сторожевых вышках еще целая миля. Рахель, девушка из их бригады, догоняет Циби, привлекая ее внимание к Ливи, которая все больше отстает от группы. Циби улыбается Рахели, благодарная ей и другим девушкам за то, что берут на себя сестринскую заботу о самой младшей в их группе, о Ливи.

Сначала немного рассердившись на Ливи за медлительность, Циби распекает ее.

– Что случилось? Почему ты еле идешь? – спрашивает она, когда Ливи в конце концов догоняет ее.

По лицу Ливи текут слезы, она указывает на свои ноги.

– У меня окоченели ноги. Кажется, я не могу больше идти, – рыдает она.

– У всех замерзли. Просто старайся идти рядом со мной.

Ливи опирается на плечо Циби и, подняв левую ногу, показывает, что от ботинка оторвалась подошва. Нежная кожа ободрана и кровоточит.

– Когда ты потеряла подметку? – Встревоженная Циби смотрит на ступню Ливи.

– Когда мы вышли за ворота Освенцима.

– Обними меня и прыгай, ладно?

Под прикрытием группы сестры подходят к воротам Биркенау. На входе стоят эсэсовцы, высматривающие слабых заключенных, неспособных к работе.

Циби убирает руку Ливи со своей талии:

– Ливи, ты должна сама пройти через ворота. Выше голову, не обращай внимания на холод, просто иди. Покажи, что ты хочешь быть здесь.

Впереди сестер идут две девушки с опущенными плечами. Они двигаются медленно, как во сне. Ливи старается не смотреть на то, как эсэсовцы оттаскивают их в сторону. Ливи интуитивно понимает, что завтра в «Канаде» освободятся две вакансии, за которые другие будут бороться. Она не намерена освобождать третье место.

В бараке Циби помогает Ливи забраться на нары, осторожно стирает с ее ноги кровь и грязь и разминает ступню, дуя на пальцы, которые постепенно розовеют.

– Прежде чем нас запрут на ночь, надо показать Рите твой ботинок. Она может нам помочь, – говорит Циби.

Сестры идут ко входу в барак, где стоит капо, поджидая возвращения девушек с различных работ.

– Поторопитесь или утром можете оказаться в газовой камере! – кричит Рита.

– О чем это она? – шепчет Ливи. – Что такое газовая камера?

– Ливи, пожалуй, нам не стоит сейчас об этом говорить, – отвечает Циби.

– Почему не стоит? Что это такое?

– Ливи, прошу тебя. Давай просто разберемся с твоими ботинками, ладно?

Однако Ливи не двигается с места:

– Циби, пожалуйста, не обращай со мной как с ребенком! Скажи, что это такое.

Циби вздыхает, но сестра права. Как в таком месте можно оставаться наивным ребенком? Она смотрит в широко открытые глаза Ливи:

– Куда, по-твоему, отправляют тех, кто не прошел отбор? Скажи, что, по-твоему, с ними происходит?

– Они умирают?

– Да, умирают. В газовой камере. Но пусть это тебя не волнует. Пока жива, я не позволю этому произойти с нами.

– От этого бывает дым и запах? Их потом сжигают?

– Мне жаль, Ливи.

– И ты каким-то образом собираешься не дать им отправить нас в газовую камеру, сжечь нас? – спрашивает Ливи, повышая голос. – Расскажи, как ты собираешься это сделать?

– Не знаю, котенок. Но до сих пор я не дала нам умереть, верно? Пойдем добудем тебе новые ботинки.

Ливи бредет за сестрой, преследуемая новым страхом. Она думает о том, больно ли бывает при удушении ядовитыми газами.

– Рита, у ботинка Ливи полностью оторвалась подошва, – говорит Циби, показывая капо ботинок. – Прошу вас, можно сходить за новой парой?

Рита смотрит на ботинок и стоящую перед ней Ливи, которая отводит глаза.

– Знаете, куда идти? – спрашивает она.

– На склад в передней части лагеря? – уточняет Циби.

– Тогда поспешите, скоро я закрою барак. Вы же не хотите, чтобы вас поймали снаружи.

Циби и Ливи мчатся к небольшому зданию, где хранится странный ассортимент лишней обуви и одежды. Внутри они видят капо, которую никогда прежде не встречали, и Циби протягивает ей дырявый башмак Ливи.

– У меня тридцать девятый размер, – тонким голосом произносит Ливи.

Женщина указывает на скамью, на которой всего три пары ботинок.

Ливи подходит, чтобы рассмотреть.

– Но я не смогу их носить, – говорит она. – Они слишком маленькие! – Ливи измотана, нога у нее болит, и на миг она забывает, где находится. – У меня тридцать девятый размер, – нетерпеливо повторяет она.

Никто из них не ожидает последовавшей реакции. Капо делает к ним широкий шаг, глядя на Ливи, и сильно бьет ее дважды по лицу. Ливи ударяется о стену.

– Простите, мы не можем обеспечить вас обувью нужного размера, мадам. Может, соблаговолите зайти в другой день, – ухмыляется капо.

Циби одной рукой хватая пару ботинок, другой – Ливи и вытаскивает ее из барака. На улице она останавливается и шепчет:

– Ливи, подними ногу. – (У Ливи красные щеки; она не отвечает.) – Пожалуйста, Ливи, давай примерим и наденем их.

Ливи устала на губы Циби.

– Что с тобой? – беспокоится Циби.

– Я тебя не слышу! Я тебя не слышу! – кричит Ливи, трясая головой и пытаясь избавиться от звона в ушах.

Циби опускается на колени и старается втиснуть ноги Ливи в ботинки, но они по крайней мере на два размера меньше. Она радуется, что Ливи не слышит, как она тихо умоляет свою мать о поддержке. Ботинки не налезают, и Ливи наверняка умрет, если будет босиком ходить в Освенцим и обратно. Сквозь ветер, сквозь лай собак и ругань эсэсовцев она слышит ответ матери: «Надень ботинки своей сестре».

И она пробует опять. Ливи, ноги которой онемели от холода, не чувствует пальцев ног, стиснутых чересчур тесной обувью.

Однако верх ботинок сделан из парусины, которая после пары походов в Освенцим и обратно немного растягивается, и обувь становится чуть более удобной. У ботинок рифленые

деревянные подошвы, которые после длинных переходов забиваются снегом. Девушки шутят, что Ливи стала выше. Ливи отвечает, что теперь старшая сестра – она. Она сбивает снег с подошв и становится прежнего роста. Этот ритуал, повторяющийся два раза на дню, немного развлекает сестер.

Постепенно Циби с Ливи становятся на сортировке более смелыми, тайком принося в свой блок дополнительную одежду, оставляя часть себе для утепления в эти зимние месяцы и раздавая остальное. Циби прячет в карманах драгоценности и деньги, а во время походов в уборную выбрасывает их – пусть лучше навсегда пропадут, чем достанутся нацистам. Их обыскивают лишь в конце дня на выходе из «Канады».

Суровая и безжалостная погода способствует тому, чтобы свести на нет добрые чувства женщин друг к другу. Часто Циби и Ливи, возвращаясь после работы, не находят своей одежды, оставленной на нарах. Столкновений не происходит: все слишком измучены.

Новые заключенные добавляют напряженности: вспыхивают ссоры и рушатся прежние привязанности. Новым девушкам для выживания нужна одежда, а старожилы делиться не хотят. Во время переключки эсэсовцы устраивают отбор, обрекая на уничтожение слабых и больных. Циби и Ливи кажется, что отбор происходит каждый день, поскольку пропадает все больше и больше девушек.

Рождество возвещает о себе новой вспышкой тифа, со всей силой обрушившейся на их барак, и Циби заболевает. На несколько дней она погружается в лихорадочный бред, но каждая девушка знает: если она останется в бараке, когда остальные утром уходят на работу, вечером ее здесь уже не будет.

Следующие две недели Циби практически носят на руках в Освенцим и обратно. Вечером Рита закрывает глаза на Циби, дрожащую и потеющую под ворохом чужой одежды в лихорадке, сокрушающей ее изможденное тело. Пока Циби мечется на койке, Ливи всю ночь держит сестру за руку. Скучные глотки воды не в силах утолить ее жажду. Иногда ей мерещится лицо Магды, которая склоняется над ней, желая выздоровления. В другие моменты Магда кормит ее кусочками печенья, принесенного девушками с сортировки.

Огромным усилием Циби собирает силы каждый раз при прохождении ворот Освенцима или Биркенау, и Ливи уговаривает ее, как это делала сама Циби, пройти без посторонней помощи под неусыпным оком эсэсовцев. Часто плохая погода играет им на руку, поскольку охранникам неохота слоняться под снегом.

Циби медленно, но неуклонно поправляется. В сознании у нее хранится расплывчатый образ Магды, и это помогает, но она не рассказывает Ливи о своих видениях. Достаточно того, что Магда у нее в голове и в душе.

На Рождество девушкам дают выходной, но христианское Рождество ничего для них не значит. Они пропустили Хануку, им пришлось работать долгие часы, в то время как они должны были зажигать менору – семисвечник – и ставить ее на окно дома, произносить с родными молитвы. Для немецкой охраны, эсэсовцев и капо Рождество – время пирушек и попоек, а не истребления узников.

Христианский праздник или нет, но девушки рады получить подарок в виде горячего супа с лапшой, овощами и мясом. Это настоящий пир, а для Циби это также первая еда, которую она может съесть без посторонней помощи. Она надеется, еда даст ей сил встать утром и самостоятельно вернуться на работу.

В тот вечер, когда сестры устраиваются на нарах вместе с двумя своими соседками, Циби шепотом желает Ливи спокойной ночи.

– Это все, что ты хочешь мне сказать? – спрашивает растерянная Ливи.

– А что еще надо говорить? – Циби закрывает глаза.

– Наши молитвы, Циби. Наши вечерние молитвы. Даже в бреду ты все равно молилась перед сном.

– Не будет больше молитв, сестренка. Никто нас не слышит.

Ливи прижимает к себе сестру и закрывает глаза. Но, несмотря на сильную усталость, сон не идет. Ливи думает о матери и о том, что та сказала бы, если бы узнала об отказе Циби от веры. Они привыкли каждый вечер благодарить свою семью, друзей, еду у себя на столе и дом, дающий им кров. Ливи думает о Магде. Циби так уверена, что Магда сейчас дома, в безопасности, но что, если она ошибается? Что, если Магда в другом лагере, таком же, как этот, но без поддержки сестер?

На следующий день Циби и Ливи, как и другие девушки из их бригады, по дороге в Освенцим ощущают прилив энергии. Невероятно, как моральное состояние зависит от дополнительной еды и хорошего ночного сна.

– Знаешь, о чем меня только что спросила Рита? – говорит Ливи.

Девушки находятся на сортировке. Циби только что вернулась из уборной.

– Понятия не имею. О чем спросила Рита? – Циби начинает разбирать свитеры, юбки и брюки.

– Она спросила, умею ли я печатать на машинке.

– И что ты ответила? – Циби раскладывает одежду и смотрит Ливи в глаза.

– Ну я сказала «нет».

– Ливи, пойди разыщи ее и скажи, что я умею печатать. – Голос Циби звучит с непривычной настойчивостью.

– Не могу, Циби. Ты же знаешь: я говорю с ней, только когда она о чем-то меня спрашивает.

– Ах, Ливи, правда! Побудь здесь.

Циби направляется через комнату к Рите, которая ходит кругами, время от времени останавливаясь переговорить с девушками и, вероятно, задавая им тот же вопрос.

– Рита, Ливи сказала, вы спросили, умеет ли она печатать на машинке, и она ответила «нет».

– Это верно, я сейчас спрашиваю...

– Я умею печатать, – перебивает ее Циби. – Научилась в школе. Я печатаю десятью пальцами и... и хорошо знаю арифметику также. – Она дрожит, не вполне понимая, во что только что ввязалась.

– Пойдем со мной, – бросает Рита и ведет Циби к кабинету в передней части сортировочного помещения.

За большим письменным столом в комнатухе сидит эсэсовец. На столе поменьше стоит пишущая машинка, лежит пачка чистой бумаги, поднос и несколько карандашей. Рита представляет Циби офицеру, говоря, что это новая машинистка, которая будет печатать ежедневные списки отсортированной одежды.

Офицер Армбрустер кивает Циби. Это худощавый мужчина лет пятидесяти. Седые волосы и морщины вокруг глаз придают ему вид умудренного жизнью человека. Он мог бы быть ее дедом. Рита садится за маленький стол и берет напечатанный лист. Она вручает Циби несколько написанных от руки листов бумаги с описанием собранной одежды, готовой к отправке. Она объясняет, как Циби должна составлять ежедневные списки мужской, женской и детской одежды. Циби должна одну копию ежедневно отправлять с транспортом, одну копию оставлять себе и составлять ежемесячный перечень. Ошибки не допускаются.

Когда Рита выходит из кабинета, Циби закладывает в машинку лист бумаги и поворачивает рычаг. Не очень уверенно она начинает двумя пальцами печатать список мужской одежды.

– Значит, так ты печатаешь? – спрашивает Армбрустер.

Циби смотрит на немецкого офицера.

– Нет. Я училась печатать всеми пальцами, но двумя получается быстрее, – отвечает она.

– Когда напечатаешь страницу, дай мне. Я проверю перед отправкой.

Он отворачивается.

Циби медленно составляет список одежды, беря новые цифры с клочков бумаги. Закончив, она театральным жестом вынимает лист из машинки и относит Армбрустеру.

Вернувшись за свой стол, она принимается за список женской одежды и продолжает работать над ним, когда к ней подходит офицер.

– Ты сделала несколько ошибок, и я исправил твою орфографию. Придется переделать, – говорит он, но в его голосе нет хорошо знакомой нотки угрозы. – Не торопись и делай хорошо. Это не гонки.

Наступил новый, 1943 год, ничем не отличающийся от 1942-го. Ливи работает в «Канаде», Циби – помощница офицера СС Армбрустера, так что, по крайней мере, они остаются вместе в бригаде белых косынок. Циби не молится, но каждый вечер шепчет: «Мама, Магда, дедушка», представляя их себе в безопасности в маленьком домике во Вранове. Каждую ночь она прижимает к себе Ливи. Вместе они все преодолеют.

Глава 12

Вранов-над-Топлёу, Словакия

Март 1943 года

– Пора, Магда! Надень пальто и иди, – шепотом говорит Хая, стараясь не разбудить Ицхака, дремлющего в кресле.

Магда лежит на диване, свернувшись калачиком, и переводит взгляд с незажженного камина на спящего деда.

– Магда, вставай! Тебе нужно уйти! Скоро они придут, – более настойчиво повторяет Хая.

– Зачем, мама? Какой в этом смысл? Рано или поздно они доберутся до меня, и, может быть, в этом случае я буду рядом с Циби и Ливи, – отвечает Магда, не двигаясь с места.

Хая снимает с вешалки у двери пальто Магды и кладет ей на колени.

– Магда Меллер, надень пальто и отправляйся к госпоже Трац! Недавно я разговаривала с ней, и она тебя ждет.

Встав, но не сделав попытки надеть пальто, Магда бросает еще один взгляд на деда. Она догадывается, что он не спит и слушает их спор. Интересно, вмешается ли он, думает она. И чью сторону он примет? Но он не шевелится.

– Прошел уже почти год, мама. Мы не можем так жить дальше. Посмотри вокруг, нам уже почти нечего продать. В какой момент мы сдадимся? Когда не останется стульев и не на чем будет сидеть? И не останется кроватей? Все ушло за кусок хлеба!

– Они забрали двух моих дочерей, и я не позволю им забрать тебя. У меня осталось немного драгоценностей на продажу, но сейчас я хочу, чтобы ты ушла. Только на одну ночь.

– В этот раз я пойду, – наконец надевая пальто, говорит Магда. – Но узнай, пожалуйста, у дяди Айвана, нет ли новостей?

– Узнаю. А теперь иди.

Магда целует мать в щеку, а потом легким поцелуем касается головы деда.

– Я знаю, что ты не спишь, – шепчет она.

Открыв глаза, он улыбается и встречается взглядом с Магдой. Это разбивает ей сердце.

– Умница, всегда делай то, о чем просит мама. А теперь беги.

Вставая и потягиваясь, Ицхак подходит к окну, где стоит Хая. В это время Магда открывает дверь, посмотрев налево и направо – нет ли глинковцев, – а потом сворачивает на тропинку и, выйдя на улицу, бежит к дому на противоположной стороне.

Как только за Магдой закрывается дверь соседей, Хая опускает штору.

– Я приготовлю нам что-нибудь поесть.

– Я не голоден, ешь сама, – говорит Ицхак. – Выпью липового чая, если что-то осталось.

Госпожа Трац высматривает Магду. Она знает, скоро явятся глинковцы, разыскивающие оставшихся еврейских девушек и юношей. Они приходят в Шаббат, зная, что все еврейские семьи будут дома. Ее собственные взрослые дети, живущие в Братиславе, защищены своей римско-католической верой. Как же они критиковали мать, узнав, что она прячет в доме Магду, – вера не защитит ее, если станет известно, что она укрывает еврейку.

– Скорее, дорогая моя, они могут в любой момент постучать в дверь. Наверху я оставила для тебя немного хлеба и сыра.

– Спасибо, госпожа Трац, не надо было, но спасибо вам. Не знаю, как мы сможем отблагодарить вас за то, что вы так сильно рискуете ради моей семьи.

– Отблагодаришь меня, оставшись в живых и наказав тех, кто преследует тебя. Теперь пора прятаться.

Немного помедлив и горячо обняв соседку, Магда спешит к стулу, стоящему в узком коридоре, над которым в потолке размещается небольшой люк. Откинув его, она забирается в маленькое пространство за ним, на антресоли.

Свет из коридора освещает тарелку с хлебом и сыром. Магда знает: как только люк закроется, она окажется в кромешной тьме, а потому быстро замечает одеяла и подушку рядом с собой. Здесь она будет лежать, пока на следующее утро не раздастся знакомый стук снизу – знак спуститься. До нее доносится царапающий звук, когда госпожа Трац тащит стул по деревянному полу обратно в кухню. Она надеется, стул не оставил никаких предательских отметок, ведущих прямо к ее тайнику.

Немного погодя Магда слышит громкий стук во входную дверь и голос, требующий открыть дверь.

Скрип входной двери подсказывает Магде, что госпожа Трац сейчас стоит лицом к лицу с кем-то из Глинковой гвардии.

– Госпожа Трац, есть в доме кто-нибудь еще, кроме вас? – спрашивает глинковец.

– Ласло, ты ведь знаешь, мой сын и моя дочь живут сейчас с семьями в Братиславе. Зачем им быть здесь?

– Мы обязаны спросить. И вы это знаете. Не возражаете, если мы войдем и осмотрим дом?

– А если бы я возражала, это разве остановило бы вас? – следует дерзкий ответ госпожи Трац.

– Отойдите, дайте нам пройти! – требует другой глинковец, явно раздосадованный этими разговорами.

– Закройте за собой дверь. Вы выпускаете холод, – говорит госпожа Трац.

Магда слышит звуки шагов, идущих от входной двери к кухне. Когда шаги раздаются прямо под тем местом, где она прячется, Магда задерживает дыхание. Могут ли они заметить следы от стула?

– Надеюсь, вы не ждете, что я предложу вам чай, – заявляет госпожа Трац.

– Мы в порядке, нам ничего не нужно, – отвечает Ласло.

– Вы видели дочь Меллеров, живущую напротив? – спрашивает другой глинковец.

– Мне хватает забот о собственных детях, чужие меня не интересуют, – резко отвечает госпожа Трац.

– Мы спрашиваем лишь о том, видели ли вы ее недавно. Время от времени ее встречают в городе, но, когда мы приходим, ее никогда не бывает дома. Что вы можете о ней сказать?

– Ну, она очень красивая девушка. Хотите пригласить ее на свидание?

– Прошу вас, госпожа Трац. – Вновь слышится голос Ласло. – Не мешайте нашему расследованию. Вы должны сообщить нам, если увидите ее. У нас к ней важные вопросы.

– Как? Что может знать эта девушка, чего не знаете вы?

– Приходите к нам, если увидите ее. Это все, о чем мы просим.

– Вот сейчас я смотрю по сторонам и не вижу ее. А вы?

– Спасибо, что уделите нам время. Провожать нас не надо.

Магда слышит удаляющиеся шаги и затем щелчок входной двери. Она берет хлеб и ложится на одно одеяло, укрываясь другим. Она радуется, что госпожа Трац может пока позволить себе топливо для дровяной горелки – Магда чувствует тепло через потолок. Запах древесного дыма успокаивает.

На следующее утро Магда просыпается от скрипа стула, который передвигают по деревянным половицам. Она слышит «тук, тук, тук» рукоятки швабры по люку.

Тело Магды одеревенело после ночи в тесном закутке, и она медленно спускается вниз. Захлопнув крышку люка, Магда идет в ванную, а затем заходит на кухню, где госпожа Трац пьет чай.

– Спасибо за хлеб и сыр. Я съела хлеб, а сыр отнесу домой деду. Вы не возражаете? Он соскучился по сыру.

– Конечно. Если хочешь, я могу дать вам еще.

– Нет-нет! Этого больше чем достаточно. – Магда кивает на чашку, которую госпожа Трац подносит к губам. – Липовый чай?

– Выпьешь чашку, дорогая моя? У меня его много, благодаря твоей матери.

– Нет, спасибо. У нас еще есть немного, и я лучше пойду домой. Мама и дед будут волноваться. – Магда дотрагивается до плеча женщины. – Спасибо вам, госпожа Трац. Не знаю, как... – Слова застревают у нее в горле.

– Не благодари меня, девочка. Просто передай привет маме и деду. А мы увидимся в следующую пятницу. Хорошо?

– Хорошо. Но посмотрим, какая установится погода. Возможно, с наступлением тепла я смогу ходить в лес. – Магда наклоняется и целует госпожу Трац в щеку.

– Есть новости от сестер?

Магда качает головой. Она не в силах передать словами свою безысходную тревогу за сестер.

Занятая мыслями о пропавших сестрах, Магда не сразу отвечает на вопросы матери о проведенной у соседки ночи и визите глинкавцев.

– Магда, пожалуйста, вернись на землю! – упрашивает мать.

– Дедушка! – очнувшись от транса, восклицает Магда. – Где дед? У меня для него кое-что есть.

– Я здесь, Магда. Что это?

Ицхак входит в гостиную с заднего двора, протягивая руку за подарком, который принесла ему Магда.

– Это от госпожи Трац, – объявляет она.

Ицхак смотрит на маленький желтый кусочек сыра.

– Не стоило ей, – приглушенным голосом произносит он.

– Но я не могу вернуть его.

Ицхак ловит взгляды внучки и дочери. В каждой складке, каждой морщинке его лица запечатлена боль. В этой комнате должно быть пять человек, с которыми можно разделить неожиданное угощение.

Хая протягивает руку и гладит его по плечу.

– Садитесь. Мы поделим сыр, – говорит он. – Хая, приготовишь чай? По-моему, со вчерашнего дня осталось немного халы. Мы устроим пир, возблагодарим удачу.

Ицхак первым идет на кухню. Хая берет Магду под руку, ей необходимо ощущать материальность дочери.

– Дядя Айван зайдет к нам? – шепотом спрашивает Магда.

– Да, должен скоро прийти, но я не знаю, что ты хочешь от него услышать.

Сыр и хлеб съедены, налита последняя чашка чая, когда они слышат негромкий стук в заднюю дверь.

– Вот как раз дядя, – говорит Магда, вскочив, чтобы открыть дверь.

Он сразу же заключает ее в объятия.

– Ты в порядке, ты пережила очередную пятницу, – шепчет он ей на ухо.

Дядя Айван садится за стол, и все глаза устремляются на Магду, ведь именно она доучала его по поводу новостей.

Чувствуя на себе взгляды, Магда отворачивается.

– Магда, у меня нет никаких новостей о твоих сестрах. Только слухи. – Маленькую комнату заполняет напряженная тишина; Айван откашливается. – Трудно узнать какие-то подробности. Но я слышал одну вещь о транспорте твоих сестер. Думаю, Циби и Ливи были отправлены в Польшу.

– В Польшу?! – восклицает Хая. – Немцы увезли их в Польшу? Зачем, черт возьми?!

– Ты забываешь, сестра, что немцы оккупировали Польшу.

Глаза Магды загораются. Ицхак тянется к ней через стол и берет ее за руку, качая головой, когда она открывает рот.

– Ты знаешь, где именно в Польше, дядя?

– Нет, Магда. И твое место здесь, рядом с матерью. Мы все останемся здесь столько, сколько сможем.

– А Клайв, твой приятель из канцелярии совета... Он всегда был большим другом нашей семьи, сынок. Ты видишься с ним? – спрашивает Ицхак.

– От случая к случаю, отец. Он делает все, что может, чтобы защитить нас. Каждую неделю он заносит нашу фамилию в конец списка евреев, живущих во Вранове, но теперь... – Айван вздыхает. – Теперь перед нашей фамилией осталось всего несколько других. Это лишь вопрос времени.

– Есть что-то еще, Айван. Слышу это в твоем голосе, – настаивает Ицхак. – Скажи нам все.

Старик кладет перед собой ладони на стол, распрямляет спину.

Айван медлит с ответом, переводя взгляд с Хаи на Магду и, наконец, вновь на Ицхака.

– Я слышал, они начинают забирать даже маленьких детей, а также их родителей, бабушек и дедушек, теток, дядьев... всех.

Хая издает тихий стон.

– Чего они от нас хотят? – спрашивает она.

– Я не знаю, просто не знаю. – Айван встает и начинает вышагивать по маленькой комнате. – Может наступить время, когда всем вам придется прятаться в Шаббат. Или у госпожи Трац, или в лесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.